

eISSN 2311-2468
Том 2, № 24. 2014
Vol. 2, no. 24. 2014

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

СИДОРКИНА В. М., ДАНИЛКИНА К. А.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ИНТЕРНЕТА В ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальных сетей и интернет-зависимости в жизни студентов. Проведенный социологический анализ позволяет выявить мотивы посещения социальных сетей, проблемы виртуального общения. Полученные результаты могут представлять интерес для студентов, преподавателей, специалистов по проблемам социологии и психологии коммуникации современной молодежи.

Ключевые слова: общение, влияние, социальная сеть, интернет-зависимость, интернет-сообщества.

SIDORKINA V. M., DANILKINA K. A.

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS AND INTERNET IN STUDENT LIFE

Abstract. The article considers the problem of social networks and Internet addiction in the life of students. A sociological analysis studies the motives of a social network using as well as the problems of virtual communication. The survey results may be of interest to students, teachers, sociologists and psychologists specializing in modern youth communication.

Keywords: communication, influence, social network, Internet addiction, Internet community.

Несомненна актуальность исследования роли социальных сетей в жизни современного студенчества. Социальные сети, появившись сравнительно недавно, прочно обосновались в жизни современного человека. Ежедневно миллионы людей в мире общаются, договариваются о встречах, ищут информацию именно в социальных сетях. Объем ее с каждым годом возрастает с невероятной скоростью. Самыми активными пользователями являются студенты. Почти каждый студент зарегистрирован в какой-либо из популярных сетей или имеет несколько страничек в них. Однако влияние интернет-сообществ, социальных сетей на мировоззрение, социальную активность и даже жизненные стратегии неоднозначно. Определенную опасность представляет интернет-зависимость как форма ухода из реальной среды в виртуальную. Второй проблемой становится неразборчивость потребления информации как достоверной, так и абсолютно недостоверной, ориентирующей на действия, направленные против общества, государства, собственного здоровья (равно и здоровья близких) и пр.

Первые исследования интернет-зависимости появились в США. В 1996 году психиатр Кимберли С. Янг опубликовала статью под названием «Интернет-зависимость: появление нового расстройства» [2]. С тех пор исследования подтвердили рост числа страдающих от

интернет-зависимости в большинстве развитых стран. В настоящее время интернет-зависимость стала серьезной проблемой для современного общества. Проведенные исследования неоднократно доказывали, что Интернет и социальные сети способствуют затормаживанию личностного развития человека, а в некоторых случаях приводят к полной деградации и социальной опасности. У многих активных пользователей возникают серьезные ухудшения общего состояния здоровья из-за большого количества времени, проводимого за монитором компьютера.

В связи с активными процессами развития глобальной коммуникации появилось новое, опасное заболевание: интернет-зависимость. Интернет-зависимость – психическое расстройство, навязчивое желание подключиться к Интернету, и болезненная неспособность вовремя отключиться от него [3]. Оно имеет ряд характерных признаков, например, таких как невозможность контролировать свое поведение, возникающее чувство эйфории во время нахождения в Интернете, пренебрежение друзьями, семьей, любимым увлечением, депрессия и т.д. [1]. Проблема не возникла бы без самого «виновника» – Интернета, который представляет собой всемирную систему объединенных компьютерных сетей, построенную на использовании протокола IP и маршрутизации пакетов данных [3]. В свою очередь, проблема зависимости возникла с появлением социальных сетей – интерактивных многопользовательских веб-сайтов, контент которых наполняется самими участниками сети [3]. Фактически, можно сказать, что они представляют в своем роде автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общими интересами. В данном контексте рассматриваются интернет-сообщества – группы людей со сходными интересами, которые общаются друг с другом в основном через Интернет [3].

В связи с возрастающей актуальностью данной проблемы и с целью выявления отношения студентов к социальным сетям, на факультетах Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева весной 2014 года был проведен социологический опрос (n=60, опрашивались студенты первых и четвертых курсов). Выборка отражала мнение о социальных сетях студентов географического и архитектурно-строительного факультетов, а также факультета электронной техники.

По результатам исследования, было выяснено, что наиболее популярными социальными сетями у студентов первого курса являются: VKontakte.ru (46%), 14% – за Twitter.com, и замыкает тройку лидеров Instagram.com – 13% опрошенных. Примечательно, что такие социальные сети как Livejournal.ru и Myspace.com студенты не отметили. Во многом это объясняется тем, что данные социальные сети были созданы сравнительно недавно, и интерес к ним только начинает формироваться. Четверокурсники отдают предпочтение социальной сети VKontakte.ru (42%). Выросло число тех, кто зарегистрирован

в таких соцсетях как Facebook.com (23% против 9%) и Мой Мир.ru (12% против 7%). Такое соотношение связано с возрастными отличиями студентов 1 и 4 курсов, а также временем появления социальных сетей. Стоит отметить, что 2% респондентов отметили социальную сеть Livejournal.ru, которая не имеет среди первых курсов широкого распространения.

Представляло интерес выяснение вопроса о том, сколько времени студенты проводят в социальных сетях, и есть ли существенные различия в мнениях респондентов. Полученные результаты отражены в диаграммах 1 (рис.1) и 2 (рис.2).

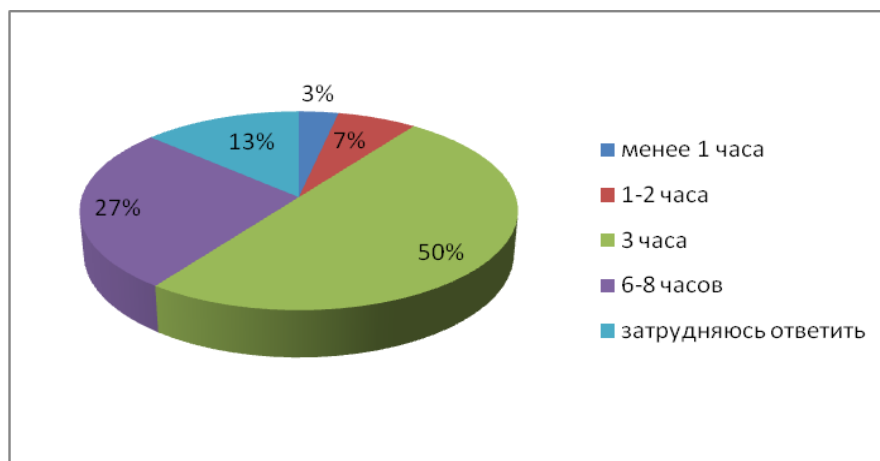

Рис. 1 Диаграмма 1. Время, которое тратят на общение в социальных сетях студенты первого курса.

Как показывают диаграммы, 50% опрошенных уделяют социальным сетям 3 часа в день, 27% – 6-8 часов. Исследования психологов и врачей показали, что оптимальное время для работы перед монитором компьютера составляет 1-2 часа в день. Только 7% респондентов придерживаются этого правила. Примечательно, что 13% опрошенных затрудняются ответить на этот вопрос, что настораживает. Потеря времени, нарушение биоритмов – один из признаков нарушения личностного развития.

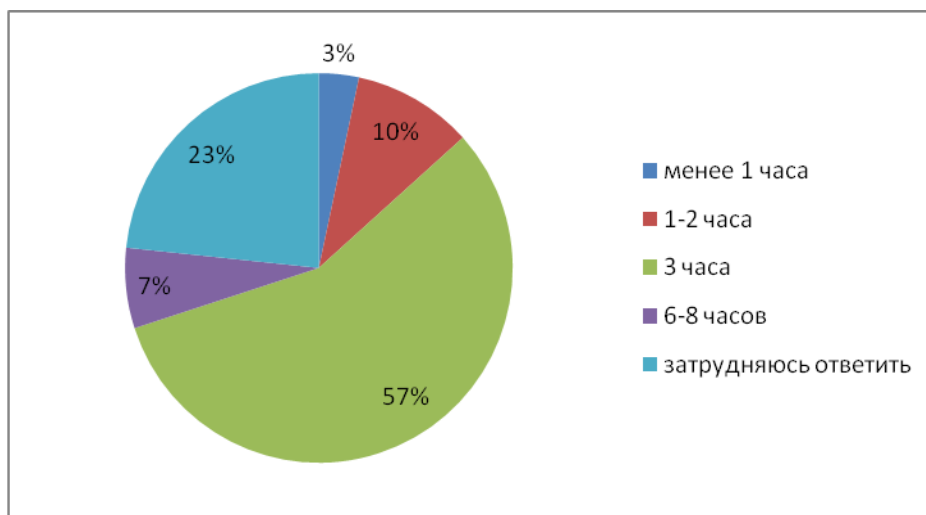

Рис. 2 Диаграмма 2. Время, которое тратят на общение в социальных сетях студенты четвертого курса.

Среди студентов 4 курса велико процентное соотношение тех, кто затруднились ответить (23% против 13%), что также можно трактовать как признак нарушения личностного развития. Среди положительных тенденций наблюдается рост доли тех студентов, которые уделяют социальным сетям 1-2 часа в день (10% против 7%).

Вопрос о роли виртуального общения в жизни студентов вызвал наибольшие затруднения при ответах. Большинство опрошенных студентов первых курсов (67%), приравнивают виртуальное общение к живому. Во многом это объясняется как экономией времени и быстротой в общении с друзьями на расстоянии, так и тем, что техническая форма дополняет и расширяет это общение. Живое общение у студентов присутствует в процессе посещения занятий, групп по интересам. 33% респондентов отрицательно относятся к социальным сетям. Основные негативные черты социальных сетей: 77% опрошенных считают, что они отвлекают от домашних заданий; 13% – отнимают много времени; 10% – вызывают чувства усталости и лени. Положительным моментом можно назвать тот факт, что среди респондентов не было выявлено тех, кто предпочитает только виртуальное общение.

Среди студентов 4 курса 56% опрошенных приравнивают виртуальное общение к реальному, а 37% выступают против виртуального общения. Однако именно среди четверокурсников 7% опрошенных предпочитают только виртуальное общение. Этот факт вызывает тревогу, так как прослеживается тенденция к увеличению замкнутости молодежи. Основные негативные черты социальных сетей и Интернета: 56% респондентов считают, что они отнимают много времени; 32% – отвлекают от домашних заданий; 12% – вызывают чувства усталости и лени.

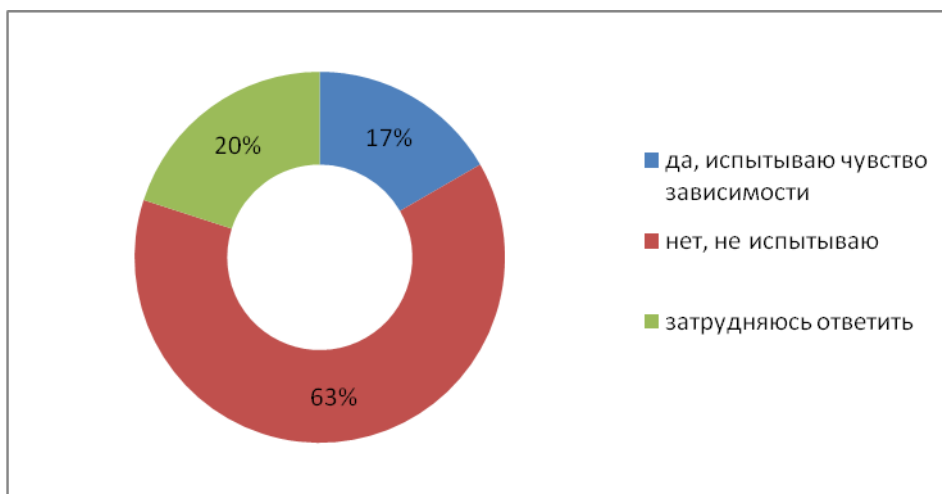

Рис. 3 Диаграмма 3. Субъективные ощущения относительно зависимости от интернета среди студентов первого курса.

Центральным вопросом анкетирования являлся вопрос о наличии у студентов признаков интернет-зависимости. Мнения респондентов представлены в диаграммах 3(рис.3) и 4(рис. 4).

Согласно полученным данным, 63% опрошенных первокурсников ответили отрицательно о наличии зависимости. 17% респондентов заявили о своей зависимости, но отметили, что она незначительная (23%) и не мешает им в учебе или работе (77%). Вызывает чувство опасения, что 20% респондентов затруднились ответить на данный вопрос, что можно считать проявлением «скрытой», не признаваемой зависимости.

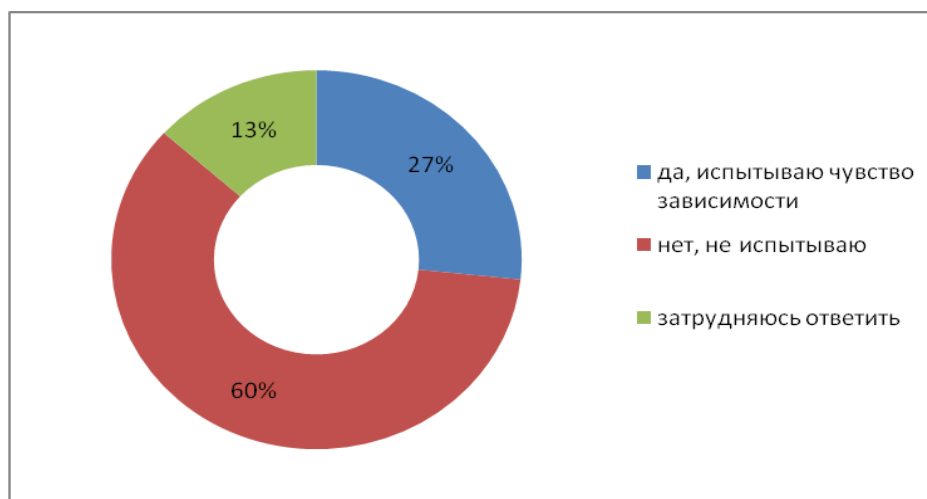

Рис. 4 Диаграмма 4. Субъективные ощущения относительно зависимости от интернета среди студентов четвертого курса.

Среди студентов 4-х курсов 60% респондентов ответили, что они не испытывают чувство зависимости от Интернета и социальных сетей. Наблюдается рост числа тех, кто честно признается о наличии зависимости (27% против 17%). Респонденты оценили ее наличие как небольшую (37%) и то, что она не доставляет дискомфорта в учебе или работе

(63% соответственно). 13% затруднились ответить на данный вопрос, что также можно считать проявлением «скрытой», не признаваемой зависимости.

Таким образом, обобщая результаты проведенного социологического исследования, можно сделать вывод о том, что хотя значительных различий в отношении к социальным сетям у студентов первокурсников и студентов старшекурсников нет, однако определенное возрастание значимости интернет-информации в их жизнедеятельности имеет место.

В своем большинстве респонденты не считают, что социальные сети отвлекают их от важных дел, а, наоборот, уверены, что они помогают им сделать ее намного проще и комфортнее. Как следует из результатов опроса, социальные сети стали неотъемлемой частью полноценной жизни студентов, заняли большую часть их свободного времени. Интернет и социальные сети вытеснили традиционные способы общения, они нередко заменяют студенту хобби. И однозначного осуждения такая практика, на наш взгляд, не заслуживает. Проблема заключается в формировании культуры интернет-пользования, формировании условий, ориентирующих студентов не на замещение живого общения интернет-общением, а печатные книги – интернет-ресурсом, а на их оптимальное сочетание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щепилина Е. П. Психология Интернета: интернет-зависимость. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vashpsixolog.ru/lectures-on-the-psychology/134-other-psychology/1855-internet-zavisimost>
2. Young K. S. Internet Addiction: Symptoms, Evaluation, and Treatment. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/kimberly.html>
3. Егоров А. Ю. Нехимические зависимости. – СПб.: Речь, 2007. – 86 с.

БЕЛОВА С. С.

**СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ
НА РЫНКЕ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ**

Аннотация. На основании результатов авторского социологического опроса в статье выделяются стратегии трудоустройства выпускников двух наиболее крупных вузов Республики Мордовия (МГУ им. Н. П. Огарева и МГПИ им. М. Е. Евсевьева). Особое внимание уделено перспективам дальнейшей профессиональной самореализации выпускников.

Ключевые слова: стратегии трудоустройства, выпускник вуза, рынок труда, Республика Мордовия, занятость.

BELOVA S. S.

**JOB PLACEMENT STRATEGIES AMONG UNIVERSITY GRADUATES:
A STUDY OF MORDOVIA REPUBLIC**

Abstract. Considering the results of a sociological survey conducted by the author, the article presents the job placement strategies of graduates of the two largest higher education institutions of Mordovia Republic (Ogarev Mordovia State University and Evseyev Mordovia Pedagogic Institute). Particularly, the author focuses on the prospects of further professional self-realization of the graduate students in question.

Keywords: job placement strategy, university graduate, labor market, Mordovia Republic, employment.

Общественно-политические процессы в рамках модернизации и поступательного развития Российской Федерации требуют определенных демографических и научных ресурсов. В связи с этим большим потенциалом обладает новое поколение молодых людей, родившихся уже после распада СССР. Современная молодежь представляет собой огромный (часто не до конца востребованный) ресурс для государства и общества, но в то же время она требовательна к стране и социуму.

Особой социальной группой, которая способна оказать существенное влияние на состояние рынка труда в ближайшем будущем, является молодежь, получающая сегодня профессиональное образование. Молодые специалисты – выпускники высших профессиональных учреждений, впервые ищущие работу, так же, как и молодежь без образования и специальности, традиционно входят в группу риска, являясь одними из наиболее проблематичных участников регионального рынка труда [1].

Проблемами обеспечения трудовой занятости населения экономисты, социологи и

правоведы стали заниматься лишь с начала 1990-х годов XX века. Предопределялось это формированием рыночных отношений и развитием рынка труда. Наибольшей активности данные исследования достигли к концу 1990-х годов и были изложены в трудах таких теоретиков и практиков как З. А. Абасов [2], Л. К. Миронова [3], Р. Р. Насибуллин [4] и др.

За последние годы были опубликованы новые исследования, касающиеся анализа стратегий молодежи на рынке труда (М. Н. Антропова и др.) [5]. Проблемы занятости и безработицы молодежи, молодежных рынков труда, дифференциации группы молодежи в зависимости от уровня образования изучаются И. И. Задорожной [6], Л. Н. Кругликовой [7], Е. Л. Омельченко [8], Н. В. Осмачко [9].

Трудовая деятельность молодых специалистов осуществляется в специфических условиях состояния рынка труда и системы высшего образования в России. В частности, происходит значительное увеличение числа выпускников высших учебных заведений наряду со снижением качества и уровня их подготовки. Наблюдается рассогласование структур рынка труда и рынка образовательных услуг. Выпуск по ряду специальностей в несколько раз превосходит прогнозные оценки востребованности специалистов, а по другим специальностям отмечается обратная тенденция. Возможности профессионального и личностного развития молодых специалистов существенно ограничены диспропорциями в российской экономике, когда система работы с персоналом в высокодоходных добывающих производствах направлена на максимальное развитие личностного и профессионального потенциала молодых специалистов, а работа с молодыми кадрами в ряде бюджетных организаций или низкодоходных секторах экономики ограничивается лишь процедурами документооборота [10].

Схожие тенденции прослеживаются на рынке труда Республики Мордовия. Указанное обстоятельство актуализирует изучение стратегий трудоустройства выпускников вузов на региональном рынке труда.

Анализ стратегий трудоустройства выпускников вузов на рынке труда в Республике Мордовия осуществлялся методами количественной социологии, т.к. возникла потребность проверки исследовательских моделей с применением математического аппарата.

Учитывая нисходящую стратегию анализа данных, присущую количественной социологии, логика типологического анализа предполагала выявление основополагающих признаков, формирующих стратегию поведения выпускника вуза на региональном рынке труда. Нам представляется целесообразным выделить двух типов стратегий:

– стратегия трудоустройства выпускника крупнейшего регионального вуза (в нашем случае – это МГУ им. Н. П. Огарева);

– стратегия трудоустройства выпускника педагогического вуза (МГПИ им. М. Е. Евсевьева).

В марте 2013 года автором статьи был проведен социологический опрос на тему: «Стратегии трудоустройства выпускников вузов на рынке труда», в ходе которого было опрошено 254 выпускника МГУ им. Н. П. Огарева и МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Генеральная совокупность определялась на основе данных государственной статистики за 2011-2012 учебный год о численности выпускников, обучающихся в двух наиболее многочисленных высших учебных заведениях Республики Мордовия (ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарева», ФГБОУ ВПО «МГПИ им. М. Е. Евсевьева»). Общая численность студентов выпускных курсов составила 5 320 человек. Используя формулу расчета выборочной совокупности, мы определили, что ее объем составляет 254 человека – 101 мужчина и 153 женщины (статистическая значимость 95%, доверительный интервал 6%).

Проведенный опрос показал, что после окончания вуза студенты-огаревцы предпочитают получить вторую специальность (27,5%) и продолжить обучение в аспирантуре (20%). Не планируют посвятить себя науке, получать дополнительное образование и повышать свою квалификацию 22,4% студентов МГУ им. Н. П. Огарёва. По сравнению со студентами-огаревцами, почти половина выпускников педагогического института (40%) планирует получить дополнительную специальность, которая открывает лучшие перспективы трудоустройства. Причем число выпускниц, планирующих получить второе высшее образование на 15,5% больше, чем аналогичный показатель у юношей.

Среди причин, обуславливающих сложности трудоустройства, респонденты выделили главную – при приеме на работу многое решают «связи» человека, а не его профессиональные навыки. Такого мнения придерживаются 77,6% опрошенных выпускников. Интересно также, что более 85% выпускниц именно этот фактор выделяют в качестве основной проблемы при трудоустройстве в Мордовии, тогда как среди юношей этот показатель не превышает 65%. По мнению каждого третьего юноши сложности при поиске работы связаны также с насыщенностью рынка труда.

Если среди выпускников МГУ им. Н. П. Огарева доминирует установка о невозможности трудоустроиться из-за отсутствия необходимых «связей» в среде работодателей (82,4%), то треть респондентов МГПИ им. М. Е. Евсевьева помимо этого факта отмечает отсутствие перспектив карьерного роста.

Основная причина нежелания искать работу по специальности у выпускников двух крупнейших вузов Мордовии заключается в том, что получаемая специальность предполагает низкую оплату труда. Устроившись же не по специальности, будущие молодые специалисты планируют зарабатывать больше. Такого мнения придерживается 39,3%

респондентов.

Подавляющее большинство респондентов (86,7%) отметили, что готовы выехать за пределы республики, если не смогут найти подходящую работу. Часть из них изначально приехали в Мордовию, чтобы получить высшее образование и вернуться на постоянное место жительства.

При этом для получения престижной работы, по мнению респондентов, в первую очередь необходимы следующие составляющие:

- стаж работы (71,7%);
- «связи» родителей (56,7%);
- личностные качества (56,7%).

Интересным представляется ранжирование позиций значимости компонентов получения престижной работы в зависимости от гендерных особенностей. К примеру, юноши не склонны выделять «связи» родителей и дополнительные навыки в качестве определяющих при трудоустройстве на престижную работу, тогда как для девушек эти факторы являются во многом определяющими

Среди реалий современного российского общества можно отметить снижение ценности труда как важнейшей социальной компоненты развития общества. Проявлением сложившихся в постсоветской России установок стало то, что более половины респондентов (52,6 %) отметили следующий факт: добиться высокого положения в обществе за счет добросовестного труда нельзя. Противоположной точки зрения придерживаются только чуть более 40 % выпускников.

В ходе исследования выяснилось, что стратегии трудоустройства выпускников вузов находятся под влиянием следующих ограничений: «правила конструирования карьеры», которые «транслируются» определенными структурными элементами (вуз, социальная среда, семья, работодатель) и рассогласование между институтами рынка труда и высшего образования.

По результатам проведенного опроса можно выделить две типичные стороны (стратегии) поведения выпускников вуза на рынке труда Республики Мордовия:

– *Стратегия выпускника Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, включающая в себя следующие компоненты:*

1) отход от поиска работы по специальности, т.к. она низкооплачиваема. Выпускник предпочитает найти работу не по специальности, но с высокой заработной платой;

2) при невозможности найти подходящую работу в Республике Мордовия выпускник Мордовского государственного университета готов покинуть пределы региона, отправившись в поисках работы в другие субъекты РФ (в первую очередь г. Москва и

Московскую область);

3) при трудоустройстве многое решают «связи» человека. У учащихся есть твердое убеждение, что хорошо трудоустроится без учета этого фактора, не получится; опыт работы и развитие личностных качеств также являются определяющими компонентами, но уступают налаженным «связям» человека;

4) у выпускников присутствует установка, сущность которой заключается в том, что получаемое образование важно для общества, но перспективы личностного и карьерного развития являются весьма неопределенными;

– *Стратегия выпускника Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, состоящая из следующих установок:*

1) изначальное убеждение, что педагогическое образование бесперспективно с точки зрения личностного и карьерного роста (присутствует необходимость получения дополнительной специальности);

2) убеждение в том, что хорошо трудоустроиться помогают не только личные характеристики человека, необходимые навыки, но и «связи»;

3) нежелание оставаться в Республики Мордовия в случае, если не удастся найти подходящую работу;

4) необходимость найти хорошую работу, предполагая, однако, что, возможно, придется работать вне сферы образования;

5) противоречивое отношение к труду: неоднозначное мнение о том, можно ли сегодня добиться высокого положения в обществе благодаря добросовестному труду (каким, в идеале, является, к примеру, труд учителя или преподавателя вуза);

6) снижение роли образования при планировании жизненной стратегии, т.е. первостепенный учет не полученных профессиональных навыков, а своих способностей, состояния здоровья, финансового благополучия, умения приспосабливаться к любой ситуации.

В целом, можно констатировать следующие особенности стратегии поведения выпускников вузов на рынке труда Республики Мордовия:

1) выпускники считают рынок труда Мордовии бесперспективным из-за сложности самостоятельно найти работу без использования «связей»;

2) наиболее важными аспектами трудовой деятельности являются хорошая зарплата, «приятный» коллектив, интересная работа и карьерный рост;

3) многие выпускники готовы переехать в другой регион в поисках работы (по специальности, престижности и т.п.);

4) для получения перспективной работы необходимо, в первую очередь, иметь опыт

работы, хорошие связи и личностные качества;

5) по мнению выпускников, полученное образование еще не является базовой гарантией жизненного успеха;

7) при достижении жизненного успеха, хорошая работа играет не последнюю роль, уступая, однако, умственным способностям, таланту, состоянию здоровья человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магера И. В. Проблема молодежной занятости и безработицы в контексте несоответствия рынка образовательных услуг и рынка труда // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. – 2012. – № 6. – С. 3–8.
2. Абасов З. А. Проектирование студентами педвуза профессиональной стратегии // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 105–110.
3. Миронова Л. К. Современные подходы в управлении занятостью молодежи // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2006. – № 1. – С. 152–157.
4. Насибуллин Р. Р. Молодежь на рынке труда крупного города // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 140–142.
5. Антропова М. Н. Исследование проблемы занятости студенческой молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 145–150.
6. Задорожная И. И. Молодёжь как ресурс неформальной занятости: причины и следствия // Точки над Ё. – 2012. – № 1. – С. 54–61.
7. Кругликова Л. Н. Социальная защита молодежи в сфере занятости // Экономика и управление. – 2011. – № 5. – С. 125–127.
8. Омельченко Е. Л. Стилиевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалисток в фокусе гендерных различий // Социологические исследования. – 2012. – № 11. – С. 36–48.
9. Осмачко Н. В. Жизненные стратегии российского студенчества: опыт типологического анализа // Вологдинские чтения. – 2011. – № 45. – С. 46–51.
10. Рыжиков И. В. Отдельные аспекты занятости и безработицы среди молодёжи // Вопросы статистики. – 2006. – № 5. – С. 78–87.

СТЕБЛЕВА А. М

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДЕТОРОЖДЕНИЯ
В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА САРАНСК)**

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем реализации стратегии деторождения. Дается описание позитивных и негативных факторов и условий, влияющих на эффективность указанных стратегий в городском округе Саранск.

Ключевые слова: семья, молодая семья, репродуктивное поведение, репродуктивные установки, стратегия, деторождение, семейная политика, демография, планирование семьи.

STEBLEVA A. M.

**THE PROBLEMS OF REPRODUCTIVE STRATEGY REALIZATION
IN YOUNG FAMILY: A STUDY OF SARANSK CITY DISTRICT**

Abstract. The article considers the problems of reproductive strategy realization. The author studies the positive and negative factors as well as conditions that affect its effectiveness.

Keywords: family, young family, reproductive behaviour, reproductive strategy, childbearing motivation, family policy, demography, family planning.

Современная российская семья переживает сложный период своего развития. Трансформация общественных отношений привела к значительным изменениям человеческих потребностей в исполнении социальных функций и ролей членов семьи в аспекте исторически обусловленных традиций. Кризисные явления в семье проявляются в ее нестабильности, малодетности, пассивном репродуктивном поведении.

Важнейшая роль в социальном переустройстве общества отводится молодой семье. Она вступает в общество, для которого характерны как социально-экономическая нестабильность, так и радикальная переоценка ценностей, что сопровождается перестройкой социально-психологических основ семейного образа жизни и жизненных ориентиров и целей. Часто это проявляется в отсутствии у молодежи ясных способов реализации индивидуальных жизненных стратегий. Поэтому именно в семье, как в зеркале, видны все противоречия и проблемы общества, четко вырисовываются контуры будущего, прогнозируется эволюция института семьи в целом, а также демографическая ситуация.

Общетеоретические подходы к решению проблем, взаимодействия и взаимозависимости семьи и общества разрабатывали зарубежные и отечественные

классики социологической мысли: М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Р. Мертон, М. Мид, Т. Парсонс, Г. Спенсер, П. Сорокин и др. [3].

Современное российское общество переживает динамичные преобразования социальных отношений, в ходе которых изменяются образцы гендерных взаимодействий, брачно-семейных отношений, роли и статусы мужчин и женщин в обществе и в семье, происходит трансформация семейных ценностей. Развитие института семьи в России на современном этапе характеризуется следующими тенденциями: увеличение числа разводов, внебрачных рождений, развитие альтернативных форм семьи, уменьшение количества детей в семьях, эмансипация женщин и детей. Если говорить о демографических процессах в стране, то вполне логично сделать акцент на деторождении в молодых семьях, поскольку 77,5% общего числа детей рождаются у родителей моложе 30 лет и, следовательно, будущее нации в основном связано с молодой семьей.

По данным официальной статистики, в 2012 г. в России наблюдалось повышение уровня рождаемости, который составил 5,7% по сравнению с 2011 г. [1]. Однако прирост населения все еще остается отрицательным. В Республике Мордовия демографическая ситуация в целом повторяет общероссийскую. В 2012 году в Мордовии родилось 8168 детей, это на 3,4% больше, чем в 2011 г. Из общего числа младенцев в 2012 г. 48,1% родились первыми, 39,1 – вторыми, 10,4 – третьими, четвертыми и более – 2,4%. Причиной тому является переход от традиционного типа репродуктивного поведения к новому типу, выражающемуся в сознательном ограничении (например, в малообеспеченных семьях) и четком планировании числа детей в семье [2].

Проблемы реализации стратегии деторождения в молодой семье также связаны со сложностями социальной адаптации молодых, как в обществе (образование и начало карьеры, проблемы материального характера), так и в семье (освоение новых ролей мужа и жены, родителей). Поэтому молодая семья нуждается в государственной социальной поддержке. Государством предпринимаются значительные шаги по улучшению социально-экономического состояния молодых семей: создана «Концепция государственной политики в отношении молодой семьи», принята «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Однако эти меры пока не дают ощутимых результатов, особенно в регионах с невысоким уровнем доходов.

С целью определения проблем деторождения в молодых семьях в городском округе Саранск весной 2013 года нами был проведен пилотажный социологический опрос (N=100). Анкета включала блоки, связанные с характером условий проживания и факторами, препятствующими деторождению.

По результатам опроса ключевым фактором, способствующим пополнению семейства, респонденты считают любовь и желание стать родителем (94%). Около половины (48%) говорят о детях, как о факторе семейного счастья. Мужчины подходят к этому вопросу весьма «романтично», они чаще, чем женщины отмечают, что деторождению способствует любовь, желание иметь детей, стать родителем. Семейному счастью, на их взгляд, способствует такое кредо человека как «дети – смысл жизни».

Кроме того, мужчины считают, что важное влияние оказывает материальная обеспеченность семейства. Препятствуют же деторождению, как правило, наличие фактора экономического неблагополучия, низкого уровня материального положения семьи (55%) и необеспеченность жильем (47%), а также своего рода социальный эгоизм, выраженный в формулировке «хочется еще пожить для себя». Факторами второго плана выступают нежелание супруга иметь детей на данный момент времени (37%) и состояние здоровья (36%).

Женская половина респондентов более реалистично смотрит на эту ситуацию: они чаще говорят о том, что деторождение – следствие необходимости детей для полноценности семьи и для продолжения рода. Что характерно, мужчины чаще отмечают такой фактор, как нежелание супруги иметь детей. В свою очередь, женщины чаще отмечают, что мешает рождению детей. Наряду с желанием еще «пожить для себя», также женщины говорят о профессиональной самореализации как о факторе, несовместимом с деторождением, а мужчины – о материальной необеспеченности. Следует заметить, что мужчины гораздо чаще обеспокоены проблемой материальной достатка семьи.

В ходе исследования респондентам был предложен вопрос о наиболее значимых для них ценностях. Таковыми среди опрошенных респондентов являются любовь (73%), наличие детей (58%) и здоровье (57%). Некоторые респонденты указали ценность карьеры (16%). Результаты позволяют нам сделать вывод о том, что в молодых семьях ключевыми являются именно семейные ценности и такая фундаментальная ценность как здоровье.

Таким образом, основным результатом нашего исследования стало выявление существующих наиболее острых противоречий. Во-первых, это противоречие между традиционностью ценностного и мировоззренческого уклада семьи и относительной ограниченностью реализации этого уклада в современных сложных экономических условиях. Проявляя свою традиционность, молодая семья апеллирует к государству, однако вместо ожидаемой реальной помощи получает малоэффективные меры. Отсюда следует второе противоречие, заключенное внутри государственной семейной политики. Очевидная недостаточность и сомнительная (по мнению общества) эффективность мер поддержки молодых семей сталкивается с особенностями управления в российском

государстве. Третье, впрочем, не столь явное противоречие – противоречие в репродуктивных стратегиях молодых супругов. Следует отметить, что в молодых семьях нет четких навыков планирования семьи, связанного с отсутствием жизненного опыта (например, в некоторых молодых семьях надеются на удачное истечение обстоятельств, а у других – нет четких установок на деторождение, молодыми не соблюдаются здоровый образ жизни).

Таким образом, желание стать родителем еще не обеспечивает воспроизводство и условия для воспитания здорового поколения. Для этого необходимы четкие жизненные планы, уверенность в завтрашнем дне, соблюдение здорового образа жизни и дальнейшая поддержка молодых семей на уровне государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь-декабрь 2012 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/edn12-12.htm
2. Сорокин П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 65-79.
3. Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М., 2003. – 152 с.

МАЛЬКИНА М. Е.

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье характеризуются этнические особенности ценностных ориентаций городских семей Республики Мордовия (на примере г. о. Саранск) в области семейных отношений. В частности, рассматривается влияние этнических особенностей на ценностные ориентации городских семей Республики Мордовия.

Ключевые слова: семья, семейные статусы и роли, ценностные ориентации, семейные ценности.

MALKINA M. E.

ETHNIC FEATURES OF URBAN FAMILY VALUES

Abstract. The article deals with the ethnic peculiarities of urban family values. In this connection, the population of Saransk city district was surveyed. The author studies the impact of the ethnicity on the value orientation of urban families in the Republic of Mordovia and Saransk city district as a part of it.

Keywords: family, family status and roles, values, family values.

Современное общество переживает процесс становления новых социально-экономических и политических институтов российского государства. Это, несомненно, отражается на одной из главных ячеек общества – семье. Современная российская семья претерпевает существенные социальные изменения, свойственные институту семьи в современном обществе: увеличение возраста вступления в брак, переориентация на малодетность, откладывание рождения детей, эволюция семьи в сторону более эгалитарной модели супружеских отношений, увеличение количества разводов. Однако в современном российском обществе переход от одной системы ценностей и семейных отношений к другой происходит неодинаковыми темпами в разных этнических и территориальных общностях, чему способствуют неравномерность процессов модернизации, различия в образе жизни и культурных ценностях.

В условиях модернизации в нашей стране актуальным является вопрос о наиболее востребованной модели семьи, а также о влиянии общемировых тенденций развития семьи на формирование семейных ценностей у этнических групп населения.

Для общества всегда было важно достижение гармонии ценностных ориентаций. В современном российском социуме эта проблема актуализируется, формирует устойчивый интерес к ее изучению [4].

В современной России существует противоречие между декларируемым и реально существующим положением дел относительно семьи и семейных ценностей. С одной стороны, семья, как ценность, ставится людьми на одну из первых ступеней ценностных ориентаций. А с другой – традиционные семейные ценности отходят на второй план. То есть, все чаще мы видим переход от многодетной к малодетной семье, распространение «чайлдфри» (англ. *childfree* – свободный от детей) и т.д.

Взаимная адаптация в области индивидуальных систем ценностей в межнациональной семье будет несколько усложнена в связи с тем, что разнорасовые супруги принадлежат к разным этнонациональным культурам и, следовательно, имеют разную систему ценностей. При этом важно отметить, что ценностные ориентации супругов могут не только совпадать, иметь близкую иерархическую структуру, но и взаимодополнять друг друга [5, с. 31].

Когда появляются дети, обязанности в семье обычно немного видоизменяются. Как отмечает Л. Виссон, в Америке среди мужчин наблюдается растущее стремление принимать все большее участие в воспитании своих детей. Однако большинство русских мужчин склонны к традиционной точке зрения и считают повседневный уход за ребенком женской обязанностью [3, с. 11].

Для определения и рассмотрения этнических и конфессиональных аспектов процессов трансформации системы семейных ценностей у населения г. Саранска в феврале-марте 2014 года автором был проведен пилотажный анкетный опрос «Ценностные ориентации жителей города Саранска». Опрошено 158 жителей г. Саранска (доверительный интервал – $\pm 8\%$), выборка репрезентирует состав населения по полу, возрасту, национальности, состоянию в браке и микрорайону проживания.

Среди наиболее многочисленных этнических групп в составе населения Республики Мордовия, между русскими и мордвой не наблюдается существенных различий в ценностных ориентациях в области семейных отношений, в то время как между русскими и мордвой, с одной стороны, и татарами, с другой, имеются различия в данной области, основанные на религиозных традициях, оказывающих влияние на образ жизни. Вместе с тем данные опроса показывают, что на семейные отношения оказывают влияние также исторически сложившиеся особенности этнического разделения труда, связанные с большим вовлечением татар в предпринимательство.

Данные о составе семей по Республике Мордовия в основном соответствуют средним по России показателям. Судя по данным социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», среди опрошенных в 2008 году респондентов большинство имело двух детей (38,6%). В то же время велика доля лиц, не имеющих детей (22,9%) [6, с. 35].

В городских семьях Республики Мордовия преобладают установки на малодетность. Русские при благоприятных общественных и личных условиях хотели бы иметь двоих (47,4%), и даже троих детей (32,1%). У мордвы схожая ситуация в желании иметь двоих детей (51,1%). Татары в абсолютном большинстве желают иметь двоих детей (68,8%). Татары чаще, чем русские и мордва, желают иметь двоих детей. Среди причин, препятствующих рождению детей, материальное положение семьи стоит на первом месте у опрошенных всех трех национальностей, а проблемы с жильем лишь у русских и мордвы. Главным препятствием рождения детей (в том числе рождения первого ребенка) среди русских (43,6%), мордвы (47,7%) и татар (34,9%) было отмечено материальное положение семьи. На втором месте у русских (17,4%) и мордвы (24,4%) – проблемы с жильем. У татар же на втором месте стоит состояние здоровья (36,5%).

По данным ВЦИОМ, «самой главной причиной развода россияне называют измену – 24% опрошенных. На втором месте бедность, невозможность прокормить семью – 21%. Третью строчку (19%) занимают непонимание, ссоры. Алкоголизм одного из супругов обосновался на четвертом месте (16%). Такие причины, как неудовлетворенность сексуальной жизнью или рукоприкладство находятся внизу таблицы, находя отклик лишь у 1% россиян. Кстати, жители западных стран не отличаются от нас: среди причин развода у них также лидируют адюльтер (измена) и финансовые проблемы» [1].

По мнению опрошенных, социально приемлемыми причинами для развода выступают: супружеская измена (18,5%), насилие в семье (17,0%), пьянство (16,7%), отказ супруга (и) содержать своих детей (13,4%), утаивание какой-либо информации (8,2%) и вмешательство в отношения родителей или других родственников (4,4%).

У абсолютного большинства татар степень этнической избирательности при выборе супруга(и) оказалась самой высокой (82,9%). Большинство татар также против или скорее против заключения брака членов семьи с людьми иной национальности, в то время почти две трети как русских (64,1%), так и мордвы (60,0%) будут не против заключения брака близких родственников с людьми другой национальности.

Значимыми ценностями для населения г. Саранска, вне зависимости от этнической принадлежности, являются: семья и дети, здоровье, материальное благополучие, безопасность, друзья и общение, и, наконец, стабильность. Самым важным и значимым в браке для большинства опрошенных оказались следующие моменты: супружеская верность, забота о воспитании детей и искренние взаимоотношения в семье. У всех этнических групп прослеживается взаимосвязь оптимального возрастного порога между вступлением в брак и рождением первого ребенка.

Главой семьи у половины опрошенных татар (51,4%) является муж. Однако среди русских прослеживаются более эгалитарные установки, чем среди татар. Так, большинство русских (53,8%) отметили, что у них в семье оба супруга приблизительно в равной мере являются главой семьи. Для большинства татар принятие решений в семье является скорее мужским делом, и мужчина чаще принимает решения в их семье (57,1%).

Т. А. Гурко отмечает, что происходит трансформация представлений о содержании ролей мужчин и женщин в семье. В России в массовом масштабе не наблюдалось распределения мужских и женских супружеских ролей в его западном понимании разделения сфер на частную и публичную, которое обычно связывается с началом индустриализации на Западе в середине XIX века [2, с. 274].

В современной семье существуют как чисто женские, так и чисто мужские семейные обязанности. Существуют и эгалитарные виды домашних обязанностей, которые выполняют в семье оба супруга. Из перечисленных видов работ, не зависимо от этнической принадлежности, самыми женскими оказались: приготовление пищи, уборка квартиры, дома и мытье посуды. Далее идут гендерно нейтральные семейные обязанности: управление бюджетом и воспитание детей. Наиболее эгалитарными оказались уход за престарелыми родственниками и покупка продуктов. Чисто мужской обязанностью является только вынос мусора. Практически две трети опрошенных отметили, что планированием досуга занимаются оба супруга. Вместе с тем у 28,2% русских этим занимается жена, а у 31,4% татар этим заведует супруг. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что в отношении видов семейных обязанностей татары следуют традиционному распределению домашней работы, а русские и мордва – более эгалитарному.

Реальный состав городской семьи, включая количество детей, у респондентов не отражает сколько-нибудь значимых этнических различий: у респондентов всех национальностей доля семей с одним и двумя детьми примерно равна. Абсолютное большинство русских (78,2%), практически две трети мордвы (68,9%) и 60,0% татар считают возрастной промежуток 23-25 лет оптимальным для рождения первенца. Практически у всех опрошенных татар национальность ребенка (детей) совпадает с национальностью матери и отца (100%). Это говорит о том, что у татар в абсолютном большинстве заключены однонациональные браки.

Преобладание установок на эгалитарную модель супружеских отношений у половины респондентов всех национальностей сочетается с приверженностью авторитарному стилю воспитания детей, допускающему легкие телесные наказания. Это свидетельствует о напряжении, которое испытывает современная российская семья в связи с увеличением обязательств родителей перед детьми вследствие разрушения социального государства,

частично снимавшего с родителей ответственность за социальную адаптацию и карьеру детей. Снятию этого напряжения может способствовать активизация семейной политики государства, направленной на оказание помощи семьям.

Наиболее важными направлениями государственной поддержки семьи для опрошенных являются следующие: оказание помощи в области воспитания и образования детей, обеспечение условий для охраны здоровья и обеспечение материальной и социальной поддержки.

Эффективность мер государственной поддержки семьи опрошенные оценили по-разному. И этническая принадлежность сыграла достаточно большую роль в разделении мнений. Меры государственной поддержки семьи русские (66,7%) и мордва (64,5%) оценивают как неэффективные, скорее неэффективные. Среди татар высока доля тех, кто оценивает меры как скорее эффективные (37,2%), и тех, кто не пользовался мерами государственной поддержки в области семейных отношений (28,6%). Наиболее популярными причинами недостаточной эффективности мер государственной поддержки семьи, вне зависимости от национальности выступили: низкая доступность жилья, недостаточный денежный размер пособия (льготы) и низкая доступность дошкольных учреждений.

Таким образом, русская и мордовская семьи более подвержены трансформационным и модернизационным процессам, проходящим в современном российском обществе. Однако нельзя не отметить того, что татарская семья также трансформируется, но данные процессы происходят на микроуровне и заметны лишь в единичных случаях, например, в том, что современная татарская семья наряду с русской и мордовской имеет в большинстве своем по два ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браки стали крепче // Российская газета. – 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=114292>
2. Гурко Т. А. Трансформация брачно-семейных отношений // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001. – Раздел 2. – С. 272–283.
3. Семейные узы: Модели для сборки: Сборник статей. Кн. 2 / Сост. и редактор С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 520 с.
4. Сидоркина В. М. Социальные ценности в региональном измерении // Регионоведение. – 2011. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/835>

5. Трифонова Т. Л. Особенности ценностных ориентаций современных межнациональных семей (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Улан-Удэ, 2009. – 31 с.
6. Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия: монография / науч. ред. проф. А. И. Сухарев; отв. за выпуск О. А. Богатова; Науч. центр соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. – Саранск, 2009. – 240 с.

ДУКИН Р. А.
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАРНАВАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Аннотация. В статье рассматривается феномен «карнавализации» в современной социологической интерпретации и применительно к такой форме коммуникации как социальные медиа. Проводятся социоисторические и социокультурные параллели, определяющие карнавальным процессам значительное место в современном обществе. На примере «Лентача» – одного из российских социальных медиа, показана важнейшая роль и функции карнавализации как тренда виртуальной, а вместе с ней, и социальной реальности.

Ключевые слова: карнавализация, социальные медиа, виртуальное пространство.

DUKIN R. A.
REPRESENTATIONS OF CARNIVAL PROCESSES IN SOCIAL MEDIA

Abstract. The article considers the phenomenon of carnivalization in contemporary sociological interpretation. Particularly, the term is applied to social media as a type of communication. The author compares the modern society and its medieval predecessor by drawing socio-historical and socio-cultural parallels between them. The study is based on one of the Russian social media. Consequently, the author proves carnivalization to be a major trend of both virtual and social reality.

Keywords: carnivalization, social media, virtual space.

Одним из важнейших приоритетов современной социологии является изучение социокультурного пространства, на формирование которого оказывает влияние огромное количество факторов. В том числе к этим факторам можно отнести процессы глобализации, интернетизации и виртуализации общества, что подразумевает рождение новых типов коммуникации и, что важно, переосмысление социокультурного пространства в целом. Современность характеризуется социальной диффузией, существованием «ценностного бульона», размыванием границ между праздником и повседневностью. Все это находит отражение в феномене карнавализации.

В настоящее время термин «карнавализация», введенный М. М. Бахтиным, понимается не только как транспонирование карнавальных форм народной смеховой культуры на язык различных художественных средств, но и как понятие, применяемое для осмысления самых разнообразных социальных явлений. Данный термин отражает специфику современного общества в целом, поскольку все значимые социальные сферы в настоящее

время приобретают черты зрелищности, театральности, праздничности, что не может не отразиться на существовании и особенностях функционирования в социуме явлений, принадлежащим к данным сферам, развитию новых отраслей знаний, таких как, например, социология развлечений.

Современность является благодатной почвой для функционирования различного рода карнавальных форм. Сегодняшнее общество характеризуется как общество *информационного типа*. Это порождает такие явления и процессы как виртуальная реальность, симуляция реальности, экранный тип культуры, глобализация, компьютеризация, появление новых медиа, создание новых форм массовой культуры и контркультуры.

Одним из главных и, пожалуй, все еще недооцененных по своей значимости процессов современного общества является его масштабная компьютеризация. Именно компьютеризация (в широком смысле) вводит в обиход виртуальную реальность в качестве симуляции реальных вещей и фактов. Поэтому можно утверждать, что мы живем в эпоху *симуляционных технологий* – технологий виртуальной реальности. Все это имеет достаточно глубокий социологический подтекст, когда происходит замещение социальной реальности различными виртуальными симуляциями. Причем социальный аспект виртуализации превалирует над техническим, что дает право социологам использовать категорию виртуальности для объяснения многих общественных явлений, в том числе и карнавализации.

В данной работе мы особое внимание уделяем такому социальному феномену как интернет-коммуникация. В определенной степени Интернет являет собой отражение всех процессов, которые происходят в обществе. Интернет изменяется вместе с социальной реальностью, более того – является самостоятельной реальностью, продуцируя новые формы социальных взаимодействий. Особенно ярко это проявляется с момента появления технологической базы Web 2.0., которая повлекла за собой создание социальных медиа.

Интернет-коммуникация является социотехнологической основой для «интерактивного общества», согласно терминологии М. Кастельса [3, с. 402]. Акцент в потреблении информации смещается от пользователя к пользованию. Таким образом создается символическая среда, характеризующаяся интеграцией различных средств со своим интерактивным потенциалом. Такая ситуация порождает особую культуру – культуру «реальной виртуальности». Материальное/символическое существование людей целиком погружено в виртуальные образы, в выдуманный мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом. В данном ключе социальные медиа являются непосредственными носителями «реальной виртуальности»

Необходимо четко осознавать, что социальные медиа отличаются от традиционных, являют собой абсолютно новый вид коммуникации. Главное их отличие в том, что пользователи перестают выполнять пассивную роль потребителей информации, а становятся полноправными создателями контента. Социальные медиа работают по принципу «user-generated content», отходя от доминантной позиции, связанной с авторитетом издания, в сторону полноправного взаимодействия с пользователями. Это позволяет говорить о создании пространства, в котором интегрированы социальная среда и интернет-технологии.

Социальные медиа сегодня – это новые формы, пришедшие на смену старым и во многом разрушившие устои традиционной коммуникации. Можно утверждать, что становление и развитие социальных медиа тесно связаны с карнавальными процессами в обществе. Уход от формальной подачи информации в сторону неформальной, превращение всех участников «действия» в полноправных «актеров», наличие особого языка коммуникации, «смеховой фон» – элементы современного карнавала и социальных медиа.

Так как социальные медиа в значительной степени олицетворяют современное общество, мы не можем не согласиться с У. Эко, который писал: «Одна из новых характеристик общества, в котором мы живем, – стопроцентная карнавализация жизни...мы тонем в тотальной карнавализации» [4, с. 141]. Действительно, повседневная жизнь современного человека неизменно сопровождается феноменом карнавализации, который с появлением Интернета стал массовым явлением. И это не только очевидная карнавализация в рамках шоу-бизнеса, но и карнавализация повседневности, «ежедневности», неотъемлемой частью которой стали Интернет и социальные медиа.

Обратимся к понятию «карнавал» и выясним, почему социальные медиа можно назвать «карнавальным феноменом». Карнавал, согласно концепции М. М. Бахтина, представляет собой неофициальное дополнение к господствующей культуре, осуществляющее символическое разрушение официальных ценностей. Иерархическая система претерпевает изменения, где «верх» и «низ» в карнавальном мироощущении меняются местами. Карнавалу присуще великое и всенародное мироощущение, которое основывается на радости смен «веселой относительности» и противостоит «односторонней и хмурой официальной серьезности, порожденной страхом». Поэтому основной категорией карнавала и карнавальных форм является смеховое начало.

Современная карнавальность наследует составляющие элементы средневекового карнавала, но в новых формах. С социологической точки зрения суть карнавала – противостояние властной структуре и гармонизация социальных отношений. Кроме того, карнавальные процессы, согласно Жоржу Батаю, являются необходимым элементом демократического общества [1, с. 150].

Ниже остановимся на категориях, характеризующих карнавал как социальный феномен. Для того чтобы анализировать современные карнавальные формы, необходимо определить характерные черты традиционного карнавала, к которым можно отнести:

- «вольный фамильярный контакт между людьми» [2, с. 208] (всевозможные правила, регламентирующие общественную жизнь, на время карнавала отменяются; почти предписывается поступать противоположно им; вербальный и невербальный языки карнавала отличаются некоторой вольностью);

- карнавал позволяет осуществить выход человеческим желаниям, негласно запрещенным условиями обычной жизни (с точки зрения обыденности, участники карнавала ведут себя эксцентрично, непристойно, неуместно);

- наличие карнавального смеха (как и древнейшие формы ритуального смеха, от которых он происходит, карнавальный смех имеет своим объектом высшее: власть, миропорядок и т.д.; в форме смеха позволялось обсуждать многое, что было недопустимо обсуждать серьезно);

- пародийность (пародия – это создание развенчивающего двойника; она выражает не отрицание, а скорее измененную перспективу);

- увенчание и последующее низложение символического авторитета, что является основным мероприятием карнавала (именно в нем проявляются все характерные черты карнавальности: нарушение табу, профанации, смех, пародийность).

Анализируя феномен карнавализации с точки зрения социологической парадигмы, мы приходим к однозначному выводу: современные карнавальные формы выполняют значимые социальные функции. В качестве примера назовем несколько главных, на наш взгляд, социальных функций карнавала, реализуемых в социальных медиа.

Компенсаторная функция. Эта функция карнавализации позволяет восстановить определенную гармонию между людьми посредством символического снижения авторитетов с одной стороны, и символического возвышения «простых» людей – с другой. Если на средневековых карнавалах это происходило через переодевания и пародии, то в социальных медиа возможностей компенсировать недостаток собственной власти появляется значительно больше. Функционал и особенности социальных медиа позволяют в огромном количестве продуцировать необходимые формы, позволяющие пользователям почувствовать себя несколько выше других по статусу за счет средств остроумия. В социальных медиа на определенное время происходит нивелирование разницы между статусными ролями и позициями людей. Это дает возможность почувствовать себя равным среди равных.

Санкционирующая функция. Особенность «площадного карнавала» – в разоблачении формальщины и официальщины. Это выплеск негативной энергии, накапливающейся в

обществе. Действия (по карнавальной терминологии «действие»), происходящие на площади, представляют собой своего рода символические санкции против власти. Они выражаются в виде ругани, порицания, кощунства – своеобразного ответа на действия официальных структур. В социальных медиа также существует возможность в различных форматах осуществлять критику политики власти. Критика власти служит своеобразной коррекцией властного вектора, поводом повлиять на политический курс или поменять его. Реакция людей на политику государства все чаще выражена в смехе, пародиях, глумливых комментариях и постах.

Социализирующая функция. Социальные медиа сегодня – это новый тренд виртуальной коммуникации, когда современный человек значительное количество времени проводит, занимаясь серфингом (просмотром страниц) в социальных сетях. Естественно, это значимый фактор социализации. Формы карнавализации, в свою очередь, также оказывают влияние на становление личности. «Лайтовость», легкость, праздничность – слова, характеризующие современное состояние общества, несмотря на его трансформацию и порой даже драматичность событий. Зачастую легкость лишь техническая, скрывающая сложность социальных процессов. Тем не менее, очевидно, что карнавальность социальных медиа оказывает на человека и его мировоззрение огромное влияние.

Коммуникативная функция. Социальные медиа организуют особое коммуникативное пространство со своими законами, приемами, языком и стилем общения. Можно снова провести параллель со средневековым карнавалом, где коммуникация представляла собой специфическую материю, наполненную духом свободы, панибратства. Эти же элементы можно наблюдать и в медийном пространстве. Кроме того, символ маски, актуальный для площадного карнавала, актуализирован и в социальных медиа. Человек может создать практически любой виртуальный образ, надеть «маску», отчего коммуникация приобретает более фривольный характер.

Рассмотрим современные карнавальные элементы на примере конкретного российского социального медиа. Наиболее ярко и очевидно карнавальные процессы проявляются в форматах «пабликов» в социальной сети «ВКонтакте». Одним из таких является бывшее представительство интернет-издания «Лента.ру», а ныне автономное сообщество – так называемый «Лентач». Его особенностью является «цинично-смеховая» подача новостей, созданием которых занимаются, в том числе, и подписчики сообщества. На примере «Лентача» мы можем видеть все признаки современного социального «карнавала». Это и фамильярный контакт в комментариях между пользователями, и некоторая эксцентричность, и профанации, и пародии, и различные развенчания, по сути своей то же,

что происходило на средневековых карнавалах. Именно данный аспект позволяет интерпретировать феномен карнавала с точки зрения выполнения им социальных функций.

Таким образом, виртуальное пространство социальных медиа на сегодняшний день является не суррогатом реального мира, а одной из составляющих реальности, способное представить человеку уникальные возможности, нередко отсутствующие в реальном социальном мире. Вследствие обретения этих возможностей человек получает также другую форму своего существования — виртуальную. Таким образом, очевидно, что виртуальное пространство на сегодняшний день наполнено карнавальными формами, поскольку и карнавальность, и виртуальная реальность — это, своего рода, «материи», дополняющие «обычную» реальность. Именно эти «материи» позволяют человеку осуществлять то, чего он не может делать в социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. — М.: Ладомир, 2006. — 366 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972. — 470 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. — М., 2000. — 606 с.
4. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. — М.: Эксмо, 2007. — 592 с.

СОФРОНОВ Д. А.

**СЕТЕВОЕ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ**

Аннотация. В статье дается характеристика сетевым социальным взаимодействиям в современном обществе как объекту изучения социологической науки. Рассматривается содержание теоретических подходов к изучению социального взаимодействия в сетях: сетевой теории и теории социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, сетевая теория, сетевое взаимодействие.

SOFRONOV D. A.

**NETWORKING AND SOCIAL COOPERATION
AS A RESEARCH SUBJECT OF SOCIOLOGY**

Abstract. The article presents a characteristics of the networking and social cooperation as a subject of sociological research. The author considers a number of theoretical approaches towards defining the networking phenomenon, particularly, the network theory and the social network theory.

Keywords: social network, network theory, networking.

Бурное развитие информационных технологий привело к появлению новых методов коммуникации, способствующих трансформации традиционных форм социальных взаимодействий. Сегодня Интернет перестал быть только средством получения и передачи информации, он превратился в новую социальную реальность, где каждый человек (или группа) ищет и находит формы и способы реализации своей личности, вступая во взаимодействие с другими индивидами. Развитие информационных технологий ведет к повышению качества информационного обеспечения индивидов и институтов. Например, повышение качества информационного обеспечения управления персонала организации ведет к интеграции социальной и экономической информации, повышению компьютерной грамотности персонала кадровых и информационно-аналитических служб, оперативности внесения изменений в базы данных [7, с. 31].

Современные технические средства позволяют осуществлять в сети полноценное социальное взаимодействие, однако особенности интернет-среды диктуют новые правила и формируют для сетевого взаимодействия иные принципы по сравнению с взаимодействием в реальной действительности. В результате складываются такие условия, когда традиционные концепции не в состоянии объяснить сетевые аспекты социального взаимодействия, и этот процесс рассматривают через призму сетевых теорий.

Ограничением анализа выступает отсутствие универсальной теории, способной объяснить сетевую интеракцию на всех уровнях социального взаимодействия, что исключает полный отказ от изучения сетевого социального взаимодействия в рамках традиционных теорий.

Взаимодействие как социальный процесс лежит в основе сетевых интернет-коммуникаций, которые исследованы преимущественно на микроуровне (феноменологический подход, теория обмена, символический интеракционизм) и мезоуровне (теория малых групп и теория референтных групп). На макроуровне (функционирование всего общества) данный вопрос изучается преимущественно в институтах (семьи, образования, управления). Однако исследование системных эффектов информационно-сетевого взаимодействия требует более длительных по времени наблюдений и разработки соответствующей теоретико-методологической базы. В данной работе мы остановимся на теоретических подходах, которые помогут исследователям в изучении взаимодействия в интернет-пространстве.

В рамках социально-философской концепции понятие «Интернет» рассматривается как всемирное информационное пространство; сложный многомерный социокультурный феномен; средство массовой коммуникации; информационно-коммуникативная медиасреда и виртуальное пространство [3, с. 26]. Информационно-коммуникативный аспект понятия «Интернет» состоит в том, что он является средством общения и взаимодействия людей. Понятие «виртуальная реальность», под которым совсем недавно понимался мир, не имеющий реального воплощения, некая автономная реальность, существующая во временных рамках процессов ее порождающих и поддерживающих, стало частью мира объективного [3, с. 143].

Интернет-коммуникация оказалась реальной как по своему содержанию, так и по последствиям. Сегодня посредством интернет-ресурсов индивид может не только делиться собственным мнением с каким-либо сообществом, конкретным индивидом, но и решать свои утилитарные проблемы (поиск работы, партнеров, заказ необходимых товаров или услуг, приобретение недвижимости и др.). По мнению С. В. Бондаренко, нельзя считать виртуальными все интернет-сообщества, осуществляющие социальное взаимодействие через аппаратные и программные артефакты [2]. В этот список можно включить лишь ресурсы, доступ к которым можно получить после идентификации субъекта (т.е. указания фамилии, имени, даты рождения, места жительства, нередко фотографии и т.д.) и подтверждения подлинности указанной информации.

Взаимодействие, как правило, регулируется формальными правилами и носит инструментальный характер. Оно имеет свою цель, часто направлено на конкретную целевую группу, имеет эмоциональную окраску и обладает определенными свойствами.

Сетевое общение подчиняется правилам взаимодействия в сетях, однако по своей продолжительности оно имеет непредсказуемый характер (в одних случаях – это довольно продолжительный процесс, в других – эпизодический, в-третьих – единичный), неизбежно в нем формируются эмоциональные связи и отношения, устанавливаются ограничения. Сам феномен «взаимодействие» имеет достаточно длительную историю развития и является по сути одним из центральных понятий в социологии. Интерпретируя данное понятие относительно интернет-сообществ, как правило, рассматривают на какой основе организовано общение, т.е. на первичных или вторичных социальных связях. Именно социальное взаимодействие на микроуровне определяет то многообразие свойств, которыми в дальнейшем будет характеризоваться коммуникация (признаки формальности или неформальности, официальности или приватности, опора на нормативное регулирование или спонтанность и т.п.).

Как правило, в основе общения лежит обмен информацией. Согласно теории обмена, в качестве вознаграждения могут быть как овеществленные блага, так и нематериальные (внимание, одобрение, подкрепление), символические (высказывание, поддержка, похвала). Для социального сетевого взаимодействия важен признак референтности (схожести) в каких-либо качествах. Данное требование предъявляется не только к индивидуумам, но и к социальным группам. Так, например, идентификация индивида с той или иной группой в социальных сетях связана не только с фактом принадлежности к ней, сколько с ожиданием положительной реакции (внимания, одобрения, похвалы) со стороны участников данного сообщества и сторонних пользователей сетей.

Эволюция взглядов на социальные сети варьировалась от работ в рамках структурного функционализма до релятивизма, при этом инструментально использовались методы как гуманитарных, так и естественных наук [6, с. 108]. Теория социальных сетей позволяет анализировать различные формы взаимодействия между субъектами (индивидами, группами, организациями) с точки зрения топологии связей, их устойчивости и влияния на поведение этих субъектов. В рамках данной теории М. Грановеттер описал эффект, названный «силой слабых связей», согласно которому слабые межличностные связи, обычно игнорируемые большинством исследователей как незначительные, являются мощным механизмом социальной мобильности, они имеют отличие от сильных связей, предоставляющих информацию, которой располагает сам субъект [5, с. 384].

Изучение сетевых моделей современного общества осуществляется посредством сетевого подхода, который ориентирован на рассмотрение современного глобального

мира как сетевого общества. М. Кастельс дает следующее определение сетевому обществу: «... это такое общество, в котором ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций» [3, с. 142]. Здесь, главным образом, речь идет не столько о социальных сетях, так как сетевая форма социальной организации существовала уже давно, а о социальных сетях, которые обрабатывают и управляют информацией, а также используют микроэлектронные устройства» [3, с. 28]. Его интересует и развитие сетевого общества. Главным образом компьютер и информационные потоки, которые он предоставляет, изменили мир и при этом породили ряд проблем. Парадигмой в анализе М. Кастельса являются информационные технологии, обладающие пятью основными свойствами: во-первых, это технологии, которые воздействуют на информацию; во-вторых, поскольку информация выступает составной частью всей человеческой деятельности, эти технологии оказывают повсеместное влияние; в-третьих, все системы, которые используют информационные технологии, определяются «сетевой логикой», которая позволяет им воздействовать на множество процессов и организации; в-четвертых, новые технологии весьма гибки, что позволяет им постоянно изменяться и адаптироваться; в-пятых, отдельные связанные с информацией технологии соединяются в интегрированную систему [5, с. 326].

Согласно данному подходу, развитие средств мультимедийных технологий все больше разрушают «пространство мест» замещая его «пространством потоков», где господствуют процессы, а не физическое местоположение, тем самым современное общество вступило в эпоху «бесвременного времени», в которой, например, информация непосредственно доступна в любом месте земного шара. Как свидетельствуют его исследования, сетевые практики изменяют социальную структуру и приводят к глобальным изменениям самого общества.

М. Кастельс утверждает, что базовыми ячейками общества являются сами сети. С этим утверждением не соглашается Ян ван Дейк, считая индивидов основными единицами общества, несмотря на то, что они все больше объединяются в сообщества. В книге «Сетевое общество» он представил собственную концепцию такого общества и дал некоторые прогнозы относительно его развития [4, с. 28]. Автор делает вывод о том, что современное общество находится в процессе перехода к сетевому, что означает соединение в сети Интернет массовой, коллективной и межличностной коммуникации. Ян ван Дейк утверждает, что в будущем роль Интернета будет расти, и он вытеснит «бумажные» средства сообщения (газеты, письма).

Сетевая теория постепенно вытесняет теорию системную в виду того, что последняя оказалась неспособной охватить феномены, стирающие границы и разрушающие многомерность мира. Как считает Дж. Ритцер, чрезмерная строгость системной теории не позволяет ей объединить различные сферы (например, искусство и коммерцию, политику и экономику, отдельные науки) [5, с. 392]. Одна из главных тенденций в развитии сетевого анализа – его смещение от рассмотрения социальных групп и социальных категорий к исследованию связей, которые существуют между действующими субъектами, не «в достаточной мере связанных между собой или сплетенных, чтобы именоваться группами» [5, с. 317].

Заслуживает упоминания еще одна теория, которую можно назвать «актор-сеть», созданная Б. Латуром, М. Каллоном, Д. Лоу и др. Она зародилась на основе результатов эмпирических исследований по социологии науки и, к настоящему времени, как и теория социальных сетей, обрела статус общесоциологической (социальной) теории. В рамках данной теории компьютерные технологии воспринимаются как синтез человека и машины, что связано с бурным развитием техники в последние десятилетия. Авторы пытаются преодолеть границы между актором и сетью, актором и структурой, актором и культурой, тем самым отказываются отделять акторов от сети. Такое слияние как бы «растворяет» индивида в сети [4, с. 64].

Однако, несмотря на то, что сетевые идеи и концепции получают все большее распространение, исследователи констатируют их слабую интеграцию в систему социологического знания и отсутствие общей терминологии и методологии для прикладного социологического анализа социального взаимодействия в сетях. Это приводит исследователя к необходимости самому определять – кого и что учитывать в ходе анализа. Тем не менее, усиливающийся интерес исследователей к сетевой проблематике в целом и сетевому взаимодействию в частности свидетельствует об актуальности данной темы. Вместе с тем, для полноценного сетевого социологического анализа можно надеяться на достаточно скорое преодоление ими терминологических и методологических барьеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Р. Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 133-141.
2. Бондаренко С. В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: автореф. дисс. ... д-ра социол. н. – Ростов-на-Дону, 2004. – 49 с.

3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург, 2004. – 328 с.
4. Мальцева Д. В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 58-83.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 585 с.
6. Ушкин С. Г. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ // Социологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 94-110.
7. Фадеева И. М., Шаманаев П. А., Соколова М. Ю. Управление кадровым потенциалом исследовательского университета на основе информационных систем // Университетское управление: практика и анализ. – 2011. – № 6. – С. 23-31.

МАНГУТОВА Ю. Н.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ РЕСУРСОВ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание ресурсов социальной активности молодежи, а также приводится их классификация. Автор исследует ресурсный подход как инструмент формирования социальной активности молодежи. Социологический анализ ресурсов социальной активности в молодежной среде позволяет автору определить их роль в современном обществе, общие тенденции их развития на современном этапе.

Ключевые слова: социальная активность, ресурсный подход, социальный капитал, деятельность, знания и умения, технологии, стандарты поведения.

MANGUTOVA YU. N.

THE CONTENT AND MAINTENANCE OF YOUTH SOCIAL ACTIVITY

Abstract. The article considers the resources of youth social activity as well as their classification. The author studies the resource approach as an instrument of the formation of youth social activity. The sociological analysis of social activity resources in the youth environment allows the author to define their role in the modern society. Analyzing the development of social activity resources at the present stage, the author describes the general tendencies of the individual development in the youth environment.

Keywords: social activity, resource approach, social capital, activity, knowledge and skills, technology, behavior standards.

Демократизация общественной жизни страны и совершенствование ее политической системы являются комплексными многоаспектными процессами, смысл которых, говоря обобщенно, сводится к созданию условий для самореализации свободного и ответственного человека. Социально-экономические изменения последних лет затронули все слои населения России. Социологи отмечают, что под их влиянием изменяется идентичность, тип людей. Все сферы жизнедеятельности общества требуют от индивида проявления социальной активности, ее постоянное воспроизводство в лице молодежи. В связи с этим, возникает проблема развития социальной активности молодежи, исследования ее ресурсов, источников, мотиваторов.

Понятие «социальная активность» является частным случаем понятия «активность», которое широко используется в различных областях знания. Активность можно рассматривать в нескольких аспектах. Например, активность исследуется

применительно к живой природе и общественной жизни, она является свойством всех материальных образований. Философский подход определяет активность как часть процесса развития материи, материализм исходит из положения, что свойства активности развиваются вместе с развитием материи [10, с. 218].

Социологическая энциклопедия рассматривает социальную активность как совокупность свойств социального субъекта, в качестве которого выделяется не только личность, но и различные общественные группы и общество в целом [10, с. 218]. «Социальная активность – сложное интегрированное качество личности, проявляющееся в инициативной, направленной, социально значимой деятельности и готовности действовать в интересах социальной общности». Являясь достаточно кратким, определение содержит все характеристики социальной активности: системность и целостность, ее направленность и взаимосвязь с обществом, а также внутренние источники (инициативность, готовность к действию). Тем не менее, социальная активность является категорией, характеризующей лишь личность [10, с. 218].

Под социальной активностью Г. Е. Зборовский понимает «интегративную характеристику целенаправленной деятельности человека, связанной с преобразованием общественной среды и формированием социальных качеств личности». Здесь, как и в предыдущем определении, отмечается интегративность социальной активности, а также ее связь с деятельностью. Однако автором не уделяется внимание внутренним источникам и направленности социальной активности [4, с. 218]. Следует отметить, что все представленные определения социальной активности так или иначе связаны с деятельностью. А любую деятельность можно рассматривать как один из ресурсов социальной активности. Следовательно, можно говорить о применении ресурсного подхода в процессе формирования и развития социальной активности молодежи.

Ресурсный подход, развиваемый известными зарубежными (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Дж. Коулман, Ф. Фукуяма, Р. Патнэм) и отечественными социологами (Т. И. Заславская, О. И. Шкаратан, В. В. Радаев, Н. Е. Тихонова) признается в настоящее время одним из перспективных в социологии. Важность этого подхода подчеркивается и в теории структуризации Э. Гидденса, выделяющего ресурсы как одну из важнейших структур. Особенно значима мысль социолога о том, что ресурсы могут существовать не сами по себе, а лишь воспроизводясь, в процессе человеческой интеракции и взаимодействия [2]. Главный тезис ресурсного подхода заключается в том, что устойчивый успех человека зависит от наличия у него уникальных ресурсов и организационных способностей, которые и определяют его преимущества (Дж. Барни, К. К. Прахалад, Р. Рамельт, Г. Хамел).

Стратегия ресурсного подхода сформировалась как альтернатива другой стратегии (адаптивному подходу) и отражает следующие идеи:

- важна не адаптация к внешней среде, а опережающее создание, удержание и развитие специфических ресурсов как залога лидерства;
- не конкурентоспособность, а создание уникальных организационных компетенций, управление качеством, системная интеграция;
- не повторение модели поведения других, а развитие уникальности, неповторимости услуг и ресурсов [6].

Ресурсный подход позволяет рассматривать социальную активность молодежи как совокупность определенных видов ресурсов (капиталов). В качестве основных капиталов П. Бурдьё выделяет экономический, культурный, символический и социальный. Именно социальный капитал, по мнению социолога, является основой социальной активности [1]. В концепции П. Бурдьё социальный капитал является исключительно групповым ресурсом. Предпосылкой для его построения является установление дружественных и честных отношений с членами другой группы. Поддерживая «взаимно выгодные» условия, т.е. постоянно увеличивая общий социальный капитал, члены группы укрепляют связи между друг другом и одновременно становятся в некотором смысле богаче. При этом П. Бурдьё разделяет понятия «социальный капитал» и «культурный капитал». Социолог утверждает, что культурный капитал – это то, что воспроизводит человек самостоятельно, а социальный капитал зависит от тех людей, которые формируют социальные сети.

Ресурсы социальной активности можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним ресурсам относятся: здоровье, активность психологических функций, уровень интеллекта, способности, талант и т.д. Среди внешних ресурсов можно выделить: устойчивый круг коммуникативных партнеров, родственные связи, занятость, источники информации [11].

Дж. Коулман в своей статье «Социальный капитал в производстве человеческого капитала» предложил обновленную концепцию социального капитала [7]. Согласно ей, социальный капитал является общественным благом, однако производится индивидами с целью последующего извлечения выгоды, при этом индивид признается свободным и рациональным. Социальный капитал создается для удовлетворения собственных потребностей и достижения целей. Предполагается, что для обладания социальным капиталом необходим некий социальный контракт, наличие социальных норм и обмен, последнее невозможно без определенного уровня доверия. Идею о доверии в системе социального капитала поддерживал Ф. Фукуяма. Именно доверие – является основанием

процветания социального капитала. Доверие означает у членов группы ожидание того, что каждый будет вести себя честно, с вниманием относится друг к другу, уважать нормы, принятые в обществе [13].

Концептуальное развитие понятия «социальный капитал» П. Бурдьё и Дж. Коулмана привело к появлению в современном мире понятия «социальное предпринимательство». Именно социальное предпринимательство становится новой сферой проявления социальной активности молодежи.

Р. Патнэма вводит трехфакторную модель социального капитала: нормы взаимности, доверие и социальные сети [15]. Патнэм утверждает, что изменение качества социальных отношений предшествовало экономическому развитию. Когда социальные сети развиты, общество процветает и наоборот, так как именно социальное взаимодействие позволяет индивидам пользоваться ресурсами группы.

Российские исследователи (Т. И. Заславская, Н. Е. Тихонова, В. В. Радаев, О. И. Шкаратан) делают акцент на личностных и психофизических ресурсах индивида. В обществе знаний наличие ресурсов является существенным для восходящей мобильности, позволяя индивиду опираться не только на общественный, но и на индивидуально-личностный потенциал [9].

Основываясь на выводах зарубежных и отечественных социологов, можно говорить о том, что основными ресурсами социальной активности современной молодежи являются:

- социальный капитал (социальные сети);
- деятельность;
- технологии;
- знания и умения;
- стандарты поведения.

Представленная классификация ресурсов является, на наш взгляд, универсальной. Переменной социального капитала выступает содержательное наполнение каждого ресурса в зависимости от социально-экономической формации и этапа развития общества (таблица 1).

Современный контекст развития ресурсов социальной активности молодежи

Ресурсы социальной активности	Социальный контекст
Социальный капитал	Расширение социальных связей. Возникновение новых видов социальных сетей. Чем выше уровень социальных связей, тем выше уровень экономического капитала. Таким образом, социальный капитал способен трансформировать в экономический, что обусловило появление такой сферы деятельности как социальное предпринимательство, основным девизом которой стало – «От общественного блага к собственной прибыли».
Деятельность	Ориентация молодежи на создание инноваций как новой ценности, направленной не только на внешнего потребителя, но и на самого разработчика. В результате повышается профессиональная самооценка. Информатизация общества способствует интеллектуализации труда. Инновационная деятельность характеризуется высокой динамикой и сокращением цикла жизнеспособности используемых технологий. Следствием такой деятельности является духовный прогресс личности и развитие творческих способностей. Совершенствуются способы удовлетворения потребностей [8].
Технологии	Внедрение во все сферы жизнедеятельности общества информационных технологий. Использование высоких технологий в отдельных областях (например, цифрового телевидения, сети Интернет, мобильной связи, электронной почты). Информация доступна каждому. Актуализация технологий ресурсосбережения.
Знания и умения	Ориентация науки и высшей школы на практику. Направленность на развитие инновационного мышления. Наблюдается процесс быстрого устаревания знаний и их постоянное обновление.
Стандарты поведения	Социальная активность большей части молодежи нацелена на получение материальных ценностей. Это определяет конечную цель получения знаний. Вместе с тем, наблюдается слабость коллективистских принципов: низкий уровень помогающего поведения и альтруистских поступков. Наибольший уровень активности современная молодежь проявляет в образовательной, профессиональной, культурно-досуговой и спортивной сферах. Именно понимание собственной роли в процессе становления общества сформировало систему мотивов социальной активности молодежи, среди которых социальное обучение, самореализация и общение. Современная молодежь достаточно мобильна, поэтому общение является одной из основных ценностей данной социальной группы.

Таким образом, активное использование ресурсов в процессе формирования социальной активности молодежи способствует созданию новой модели социально-

активистского поведения молодежи. Основу данной модели поведения составляет социальный капитал, который участвует в процессе обмена опытом, знаниями и умениями. Чем выше качество знаний в молодежной среде, тем выше уровень развития общества, уровень духовности и созидательного поведения человека. Трансформация общества влечет за собой изменение содержательных характеристик социальных ресурсов. Поэтому знание социального контекста ресурсов социальной активности необходимо при формировании основных направлений развития молодежной политики государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Формы капитала. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital>
2. Гидденс Э. Устройство общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/sociology/giddens-ustroen_objestva-a.htm
3. Гуськова Н. Д., Ключева А. П. Современные теории социального капитала. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-sotsialnogo-kapitala>
4. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 383 с.
5. Инновационная модернизация России. Политологические очерки / под ред. Ю. А. Красина. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Ocherki_2011.pdf
6. Ключкова Л. И. Реализация идей ресурсного подхода в развитии воспитания школьников: к вопросу о системе понятий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/117-12821>
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/217/076/1232/011kOULMAN.pdf>
8. Кузьмина Ж. Ю. Феномен инновационной деятельности в постиндустриальном обществе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-postindustrialnom-obschestve>
9. Осипова О. Ю. Социальный статус молодых ученых в регионе: автореф. ... канд. соц. наук. – Саранск: Из-во Мордов. ун-та, 2011. – 23 с.
10. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

11. Романычев И. С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/arhiv/12_03/12_03_18.pdf
12. Фадеева И. М. Высшая школа в современном российском обществе. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – 232 с.
13. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm>
14. Шайдакова Н. «Демонстративное потребление» как форма социальной активности личности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publications.hse.ru/chapters/70611186>
15. Patnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/-detoc/assoc/bowling.html>

ГУЛЯГИНА А. И.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ

Аннотация. В статье представлен анализ основных критериев социального самочувствия населения. В частности, были выделены следующие критерии: материальное благополучие, социальное положение, межэтническая и межконфессиональная ситуация в регионе. Исследованы особенности данного феномена в отечественной и зарубежной социологии.

Ключевые слова: индикатор, критерий, метод, социальное самочувствие, население, социальное настроение, фактор.

GULYAGINA A. I.

POPULATION SOCIAL WELLBEING: MAIN CRITERIA

Abstract. The article presents an analysis of the main criteria of population social wellbeing. The author focuses on the following criteria: material welfare, social status, interethnic and interreligious situation on the regional level. The study also includes a comparative analysis of the phenomenon criteria used by sociologists from Russia and abroad.

Keywords: indicator, criterion, method, social wellbeing, population, social mood, factor.

Понятие социального самочувствия в социологии возникло в 70-е годы XX века. В научной литературе о нем говорится, как о важном показателе эффективной социальной политики и степени удовлетворенности населения властью. Однако определение социального самочувствия, его структуры и индикаторов в современной социологии остается дискуссионным в связи с достаточно сложным, многоплановым характером и постоянно изменяющимися факторами социального настроения личности, социальных групп и общностей [1, с. 15].

В трудах исследователей разных стран можно наблюдать некоторые отличия в выборе индикаторов социального самочувствия. Близкими к этому понятию терминами являются «субъективное благополучие», «восприятие качества жизни», используемые в американских социально-психологических и экономических исследованиях. Ученые трактуют их как «оценку людьми их жизни, как в данный момент, так и за более длительный период, например, за год». В структуру этого понятия включено эмоциональное отношение к событиям, а также когнитивное мнение о степени удовлетворенности своей жизнью, семьей, работой и т.п. [1, с. 15].

В целом анализ зарубежных подходов к пониманию социального самочувствия показывает, что наиболее значимыми для оценки социального положения считаются

самооценка материального положения по сравнению с положением окружающих, степень удовлетворенности своим положением в обществе, представления о будущем, материальное положение через определенное время.

В отечественной науке основными критериями социального самочувствия часто выступают интегральные количественные показатели. Например, Научно-исследовательская лаборатория ЦИСИ ИФ РАН, проводя мониторинг социального самочувствия населения, в качестве главных его показателей выделяет «среднее значение защищенности населения от социальных опасностей», «степень удовлетворенности населения своей жизнью в целом», «среднее значение социального оптимизма» [2, с. 81].

Вместе с тем российские социологи в структуру этого понятия часто включают составляющие, характеризующие социально-психологическое состояние индивида, как члена социальной общности. В. М. Чугуенко и Е. М. Бобкова отмечают, что социальное самочувствие можно разделить на различные эмпирические типологизации, такие как «самочувствие населения в трудовой, семейной, политической и социокультурной сферах» [1, с. 19].

В целом большинство отечественных исследователей связывает социальное самочувствие с качеством жизни населения, его материальным благополучием и социальным положением в обществе. Исследования социального самочувствия в России часто касаются различных социальных (молодежи, инвалидов и т. д.) и территориальных групп населения. В этом случае учитываются особенности социальной общности, разрабатываются специфические индикаторы ее социального самочувствия.

Так, при анализе социального самочувствия молодежи Л. Е. Петрова включает в его содержание множество компонентов: уровень притязаний, в который входят жизненная ориентация, ценностные ориентации трудовой деятельности, ценности учебной деятельности, ценности семьи, ценности общения и досуговой деятельности, субъективная оценка характеристик успеха; характеристики активности субъекта, подразделяющиеся на трудоспособность, адаптивную деятельность, конкретные шаги по реализации жизненной программы; удовлетворенность реализацией жизненной стратегии; подчеркивается также социальный статус субъекта социального самочувствия и т. д. [3].

При изучении социального самочувствия населения социологи в первую очередь связывают это явление с уровнем жизни. Основным подходом в этом случае является зависимость между уровнем экономического развития и динамикой социального самочувствия людей. Безусловно, этот показатель является очень важным, но действительно ли только данный аспект является определяющим в формировании объективно-субъективного мнения граждан о собственном социальном самочувствии?

В августе 2013 года Фонд развития гражданского общества (ФОРГО) и Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) представили рейтинг регионов по уровню социального самочувствия. Как оказалось, экономическое состояние регионов не говорит об аналогичном ему состоянии социального самочувствия [4]. Получается, что существуют и другие, не менее важные характеристики социальной жизни людей, влияющие на степень их «социальной комфортности» в обществе.

В 2011 году при поддержке РГНФ (грант №11-03-1801е) кафедрой социологии, ФГБОУ «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», был проведен социологический опрос «Резервы гармонизации социальных отношений в финно-угорских регионах». Опрашивалось население трех финно-угорских регионов России – Республики Мордовия, Республики Марий Эл, Удмуртской Республики. В рамках исследования изучалось состояние и динамика социальных отношений в финно-угорских республиках.

Анализ результатов данного исследования позволяет определить уровень социального самочувствия населения на основе ряда показателей. К примеру, респондентам предлагалось оценить различные стороны своей жизни. В большинстве случаев опрошенные во всех трех регионах в той или иной степени довольны своей работой (во всех 73,7%), дружескими контактами (более 90% во всех регионах). Абсолютное большинство удовлетворены местом проживания (89,4% – жители Удмуртии, 87,7% – жители Мордовии и 87,4% – жители Марий Эл). Похожие результаты получены и при характеристике семейных отношений.

Вместе с тем, по некоторым показателям выявлены достаточно большие группы респондентов, испытывающие неудовлетворенность разными сторонами своей жизни. Несмотря на то, что большую часть опрошенных устраивают жилищные условия, но примерно пятая часть во всех регионах выбрали вариант «не устраивают вообще». При оценке собственного материального положения мнение респондентов разделилось на две большие группы: чуть более половины населения всех трех республик им довольны, более 40% – не довольны.

Таким образом, самооценка населением социального самочувствия формируется под влиянием множества факторов и является дифференцированной.

К таким факторам исследователи часто относят не только показатели уровня и качества жизни, взаимодействия с ближайшим социальным окружением, но и степень религиозности граждан. Каштанова Е. Ю. отмечает, что в полиэтническом пространстве при исследовании социальных отношений важным критерием является степень религиозности, так как данный фактор может оказать воздействие «не только на социальное поведение человека, но и на восприятие им действительности, а именно существующих в обществе детерминант, проблем и противоречий» [5, с. 144]. Здесь подчеркивается корреляция между

восприятием действительности и социальным самочувствием. Следовательно, данный аспект тоже должен изучаться как значимый фактор.

На наш взгляд, межэтническая ситуация также может влиять на динамику социального самочувствия населения. Характер социальных отношений между этносами способен оказывать существенное воздействие на самочувствие людей, поскольку во многом определяют степень комфортности проживания в стране или регионе.

Социологические исследования социального самочувствия населения в России проводятся относительно недавно. Они характеризуются разнообразием индикаторов изучаемого явления, но чаще всего используются количественные методы, позволяющие получить объективные данные о самочувствии больших социальных групп. К преимуществам количественного подхода относится и возможность оценить динамику социального самочувствия населения через мониторинговые исследования с применением сопоставимого инструментария.

Вместе с тем, проблема понимания логики ответов респондентов, приоритетности для них разных факторов социального самочувствия остается пока не решенной. Поэтому, на наш взгляд, было бы справедливо использовать для их изучения не только количественные, но и качественные методы, которые позволяют глубже оценивать содержание данного понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугуенко В. М., Бобкова Е. М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 16-24.
2. Каргаполова Е. В. Социальное самочувствие населения: региональный аспект // Вестн. Тюменск. гос. ун-та. – 2011. – № 8. – С 80-86.
3. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/petrova_socsam/ (дата обращения – 09.04.2014).
4. Официальный сайт «ИА REGNUM». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1696583.html> (дата обращения – 26.05.2014).
5. Каштанова Е. Ю. Специфика социального самочувствия православных и мусульман в регионе (социологический аспект) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гармонизация социальных отношений в полиэтническом регионе» (23-24 декабря 2011 г.): в 2 т. /отв. ред. С. М. Вдовин; Науч. центр. соц.-экон. мониторинга. – Саранск, 2012. – С. 143-144.

ДАДАЕВА Т. М., СЕМЕНОВ Р. А.

**МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)**

Аннотация. В статье рассматриваются формы и механизмы взаимодействия представителей гражданского общества и органов власти в Республике Мордовии. В частности, рассматривается динамика и факторы развития общественных объединений как составной части гражданского общества, приводится статистический анализ общественных объединений в Российской Федерации, а также в Республике Мордовия.

Ключевые слова: гражданское общество, государственная власть, общественные объединения, взаимодействие.

DADAEVA T.M., SEMYONOV R. A.

**THE MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND
STATE POWER: A STUDY OF MORDOVIA REPUBLIC**

Abstract. The article considers the forms and mechanisms of interaction between the civil society and the authorities of Mordovia Republic. Particularly, the authors study the dynamics and factors of public associations' development as an integral part of civil society. The study includes a comparative statistical analysis of public associations in the Russian Federation and in the Republic of Mordovia.

Keywords: civil society, state power, interaction, public organizations, Mordovia Republic.

Формирование гражданского общества в России является одной из важнейших задач развития демократии. Актуальность исследования механизмов взаимодействия гражданского общества и государственной власти обусловлена необходимостью осуществления государственного управления и развития самоуправления на основе права и учета интересов всех слоев населения, членов общества. В этой связи общественные объединения, как ядро гражданского общества, могут выступать основными субъектами взаимодействия с властью.

Исследованию становления и развития гражданского общества посвящены работы В. А. Васильева [1], К.С. Гаджиева [2], З. Т. Голенковой [3], А. И. Кравченко [4], В. И. Патрушева [5], А. И. Сухарева [6] и др.

По мнению З. Т. Голенковой, гражданское общество относится «к числу понятий социологической и политической теории, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение». Это «специфическая совокупность общественных коммуникаций и

социальных связей, институтов и ценностей, главными субъектами которых являются: гражданин со своими гражданскими правами и гражданские (не политические и не государственные) организации: ассоциации, объединения, общественные движения и гражданские институты» [3, с. 25-26]. Сущность гражданского общества состоит в том, что оно, прежде всего, помогает объединить, выразить и защитить интересы граждан, а не интересы правящих элит, власти или государства.

Патрушев С. В. рассматривает феномен гражданского общества как тип социальной интеграции на основе солидарности независимых личностей, связанных коллективными обязательствами с другими индивидами, как особое пространство бытования гражданских добродетелей – доверия, уважения к другому индивиду, равенства, справедливости, лежащих в основе норм социальных взаимодействий, как гражданские практики, в которых реализуется обеспеченная правовой санкцией государства публичная роль гражданина – гражданская активность [5, с. 26].

По определению А. И. Сухарева, гражданское общество следует понимать как систему политических и неполитических организаций, структур, институтов, через которую осуществляются самоорганизация социума и его взаимодействие с властью, государством [6, с. 10].

В структуру гражданского общества должны входить общественные объединения наряду с личностью, семьей, школой, церковью, собственностью и предпринимательством, социальными группами, слоями, классами, частной жизнью и ее гарантиями, институтами демократии, независимым правосудием, системой воспитания и образования, свободными средствами массовой информации, негосударственными социально-экономическими отношениями [7, с. 57].

Исследуя становление гражданского общества в современной России необходимо отметить, что оно развивается большей частью «сверху» (Создание Общественной Палаты) т.е. иницируется органами власти. Возможно, это связано с наследием авторитарного режима, предшествующего демократическому периоду, когда государство жестко регулировало все процессы. Отсюда отсутствие опыта инициативы «снизу».

Рассмотрим динамику численности общественных объединений, зарегистрированных в Российской Федерации в 2013 году по сравнению с 2004 годом (таблица 1) [9; 10].

**Число общественных объединений, зарегистрированных в реестре Министерства
юстиции Российской Федерации в 2004 г., 2013 г.**

Общественные объединения	Всего зарегистрировано на 01.01.2004	Всего зарегистрировано на 01.01.2013
Число общественных объединений всего	153523	104949
в том числе общественные организации	64 850	53 026
из них благотворительные	1978	1613
политические партии	47	6
общественные движения	3056	1754
общественные фонды	8871	5414
из них благотворительные	3185	2070
общественные учреждения	874	876
органы общественной самодеятельности	224	173
иные виды общественных объединений из них:	72 485	43 706
профессиональные союзы	58 431	32 334
национально-культурные автономии	512	988
политические партии	-	54
некоммерческие организации - всего	-	87 028
в том числе благотворительные фонды	-	6141
филиалы и представительства	-	246

Анализ статистических данных показывает, что общее количество общественных организаций в России в 2013 году уменьшилось по сравнению с 2004. Наиболее массовой общественной организацией являются профсоюзы. По результатам распределения ответов экспертов в ходе проведения анкетного опроса «Состояние гражданского общества в Республике Мордовия» профсоюзы по степени эффективности своей работы находятся в числе лидеров среди общественных организаций республики. Это самая массовая и доступная общественная организация, которая по своим целям и задачам наибольшим образом отражает интересы трудящихся. По данным на 1 января 2011 года, численность членов Федерации профсоюзов Республики Мордовия составила 175 863 человека. Количество профорганизаций – 1823. Охват профсоюзным членством в целом составил 84,7 %; среди молодежи – 87,5 %; самый высокий охват в вузах Мордовии – 91,2 % [8, с. 30].

Согласно данным Министерства юстиции Республики Мордовия, общее количество юридических лиц, являющихся некоммерческими организациями на март 2012 года в регионе составил 1 452, среди которых – 725 общественных объединений [8, с. 4].

В целях обеспечения взаимодействия между республиканскими органами государственной власти Республики Мордовия и общественными объединениями, подготовки решений по важным социальным, экономическим, политическим и иным вопросам с учетом общественного мнения, создания механизма обратной связи между

гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти 17 октября 2000 г. была создана Общественная палата при Главе РМ. Одной из форм ее работы является разработка различных программ, в частности, была разработана «Программа развития гражданского общества в Республике Мордовия». Кроме того, Общественная палата Республики Мордовия анализирует общественные объединения, что включает в себя оценку количества людей в них, изучение сферы деятельности (спорт, социальная защита, образование, культура, благотворительность, правозащитная деятельность, наука, экология и др.), а также оценку результатов работы.

В правовых государствах основным механизмом взаимодействия гражданского общества и государственной власти является социально-политическое партнерство. Так для реализации своих целей Федерация профсоюзов Республики Мордовия заключила партнерские Соглашения со многими федеральными и республиканскими ведомствами – Прокуратурой, Госкомитетом по труду и занятости, Госинспекцией труда и др. Совместно с ними Федерация профсоюзов активно осуществляет правозащитную деятельность, контролирует соблюдение Трудового кодекса и законов об охране труда, проводит совместные проверки, выявляет нарушения, принимает меры к их устранению. За 2010 год было проведено около 700 таких проверок, по результатам которых к административной ответственности привлечено 15 должностных лиц. Эффективность от всех форм правозащитной работы составила 22,5 млн. руб. [8, с. 32].

Помимо профсоюзов активную гражданскую позицию и взаимодействие с органами власти осуществляют и другие общественные организации Республики среди них: ветеранские, женские, национальные, конфессиональные, молодежные и др. Как правило, одной из форм работы общественных организаций выступает реализация целевых программ и проектов.

Подводя итог можно отметить, что общественные объединения как ядро гражданского общества активно развиваются в Мордовии. Однако существуют и проблемы. Так основным источником дохода многих общественных и некоммерческих организаций являются средства регионального и муниципального бюджета, поэтому возникает определенная зависимость общественных объединений от органов государственной власти или органов местного самоуправления. Во многом эта проблема могла быть решена за счет спонсорской помощи, привлечения волонтеров. Помимо этого, в формировании положительного образа гражданской активности должны участвовать и СМИ.

В Мордовии еще недостаточно развиты формы и механизмы взаимодействия общественных объединений и органов власти, в частности, в осуществлении контроля за принятием управленческих решений. Во многом решение данной проблемы призвана

осуществить Общественная палата Республики Мордовия, а также Общественные Советы при органах власти и управления, процесс институционализации которых только начинается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. А. Гражданское общество: идейно-теоретические истоки // Социально-политический журнал. – 1997. – № 4. – С. 93–103.
2. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. – 1991. – № 7. – С. 19–35.
3. Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социологические исследования – 1997. – № 3. – С. 25-30.
4. Кравченко И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. – 1991. – № 5. – С. 128.
5. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. – 2009. – № 6. – С.24-32.
6. Сухарев А. И. Перспективы развития гражданского общества в Республике Мордовия: Материалы Респ. науч.-практ. конф. Саранск, 3 июля 2001 г. / Ред. кол.: Н. И. Меркушкин (отв.ред), А. И. Сухарев (зам отв. ред.) и др.; НИИ регионологии при Мордов. ун-те. – Саранск, 2001. – С.10-14.
7. Теория государства и права. Учебник / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 124 с.
8. О состоянии гражданского общества в Республике Мордовия в 2010-2011 годах: аналит. докл. / Общ. палата Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 50 с.
9. Российский статистический ежегодник // Стат. Сборник. – М., 2004. – С. 48.
10. Российский статистический ежегодник // Стат. Сборник. – М., 2013. – С. 57.

АВДЮШКИНА М. М.
РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье анализируется деятельность государства в сфере социальной политики и ее отражение в газетах, выходящих в Республике Мордовия. Характеризуется уровень социальной защищенности граждан, затрагиваются проблемы ЖКХ, здравоохранения и др.

Ключевые слова: социальная политика, социальная сфера, региональная пресса.

AVDYUSHKINA M. M.
REGIONAL PRESS ON STATE ACTIVITIES
IN THE FIELD OF SOCIAL POLICY

Abstract. The article analyzes the state activities in the field of social policy and their reflection in the newspapers of the Republic of Mordovia. The author collects data on the level of social protection of citizens, the problem of housing, healthcare, and other social problems.

Keywords: social policy, social sphere, regional press.

В условиях реформирования российского общества важнейшим направлением деятельности государства, общественных объединений и организаций является осуществление социальной политики по разрешению социостратификационных противоречий, повышению эффективности политической и экономической системы, ее отдельных звеньев, реализации социальной защиты наименее обеспеченных слоев населения, оказанию им помощи и поддержки [1, с. 3].

Социальная политика – политика регулирования социальной сферы, направленная на достижение благосостояния в обществе. В исследовании социальной политики важны классические идеи происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем. Один из крупнейших социологов XX века П. А. Сорокин назвал ее отделом социологии, который «по своему характеру и целям является чисто практической, прикладной дисциплиной. Задачей социальной политики служит формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно достичь цели улучшения общественной жизни и человека» [2, с. 12]. Среди российских авторов, специализирующихся на оценке эффективности социальной политики, можно выделить следующих: Е. Г. Васильева, Т. А. Мазайлова, Е. С. Стрижева, С. В. Творогова.

Согласно Конституции РФ, принятой в 1993 г. [3], Российская Федерация декларируется в качестве социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Однако, как представляется, существует большой разрыв между декларациями идеи и конституционного принципа становления социального государства, с одной стороны, и реальной практикой реализации социальной политики в деятельности органов государственной власти. Проводимые в обществе реформы пока не привели к существенному улучшению социальной сферы российского общества. Напротив, наблюдается обострение ряда проблем социального характера. В их числе огромный разрыв в уровне доходов богатых и бедных слоев населения, несоответствие оплаты труда, его реальной эффективности во многих отраслях экономики, деградация системы здравоохранения и др.

Недовольство населения сложившейся в социальной сфере ситуацией ставит перед учеными следующие вопросы: Какое место должна занимать социальная политика в системе приоритетов российского государства с точки зрения населения? Что в первую очередь надо делать государству в социальной сфере? Для ответа на эти вопросы весной 2013 года нами было проведено пилотажное исследование «Представления жителей Республики Мордовия о справедливой социальной политике». В ходе исследования были опрошены жители РМ в возрасте от 18 лет и старше (n=150) методом анкетного опроса (таблица 1). Также мы проанализированы методом контент-анализа 68 статей в региональных изданиях «Известия Мордовии» и «Вечерний Саранск» в период с 1 января 2011 года по 1 января 2014 года. Издания, подвергшиеся анализу, отражают политику региональных властей и Правительства РФ (в частности, «Известия Мордовии»), а также оппозиционную точку зрения («Вечерний Саранск»).

Таблица 1

Структура выборочной совокупности

Пол	Возраст				
	18-30	31-45	46-60	61 и старше	Всего
Мужской	23	20	18	8	69
Женский	25	23	19	14	81

Как показывают данные социологического опроса, большинство респондентов в регионе считаются недостаточно защищенными (71%) или вообще не защищенными социально (17%). Лишь только единицы ответили, что они полностью защищены

государством (5%). Наиболее частыми сферами, где люди встречались с несправедливостью за последний год, являются образование (61%), ЖКХ (52%), здравоохранение (43%) и финансовая обеспеченность (31%).

На данный момент, более половины жителей Республики Мордовия (53%) чувствуют неуверенность в завтрашнем дне. Это чувство в большей степени возникает у опрошенных из-за роста цен, безработицы, коррупции в стране, из-за невозможности для самореализации и отсутствия жилья. Только лишь 20 % опрошенных граждан чувствуют уверенность в завтрашнем дне. Данное чувство основывается у них в основном благодаря вере в собственные силы и возможности востребованности, возможности реализовать себя, молодости, на доверии президенту, хорошему образованию и материальному положению семьи.

Анализ выбранных СМИ, позволил нам составить представление о неких общих тенденциях в освещении проблемы и отражения государственной политики по данному вопросу (таблица 2). Так, в «Известиях Мордовии» было напечатано 48 статей (73%), касающихся осуществления социальной политики в регионе, в «Вечернем Саранске» – 20 (27%).

Таблица 2

Выборочная совокупность распределения текстов для контент-анализа

№	Вид издания	Наименование	Количество экземпляров		Количество текстов для контент-анализа
			В первичной выборке по шагу	Окончательное количество	
1	Газета	«Известия Мордовии»	718	72	48
2	Газета	«Вечерний Саранск»	156	156	20
Всего: 2			874	228	68

В статьях обсуждаются вопросы, касающиеся социальных отношений в регионе, содержится информация о принятии решений Правительством РМ в сфере социальной политики. Задачи, поставленные перед нашей республикой в области социальной сферы, призваны продолжить ее динамичное развитие, придать новый импульс укреплению социально-экономического потенциала, дальнейшему росту благосостояния каждого жителя региона.

Особое внимание уделяется решению самой важной задачи, которая волнует сегодня практически каждого, – повышению заработной платы. Сегодня она составляет основную долю доходов большинства людей, является одним из главных критериев уровня и качества жизни. Как отметил Глава РМ В. Д. Волков в своем послании Государственному Собранию, к 2018 году средняя зарплата по экономике должна вырасти более чем в 2 раза и составить 36-37 тысяч рублей. А у врачей и преподавателей вузов она должна быть не менее 72 тысяч рублей [4].

Освещение проблем, происходящих в сфере обеспечения жильем, услугами ЖКХ и другими бытовыми услугами, являются самыми актуальными среди тем региональной прессы. Так, например, одним из направлений деятельности органов предварительного следствия МВД является расследование преступлений, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Существуют и ряд проблем в системе дошкольного образования городского округа Саранск. В первую очередь, это дефицит мест в дошкольных образовательных учреждениях Октябрьского и Ленинского районов Саранска.

Система здравоохранения в Республике Мордовия в минувшее пятилетие в целом выполнила возложенные на нее задачи, сохранив государственный характер, объем и качество бесплатной медицинской помощи, обеспечила тем самым реализацию конституционного права населения республики на охрану здоровья. Конечно, проблем в здравоохранении еще много. Велики очереди в поликлиниках, не всегда быстро можно записаться на прием к врачу узкого профиля.

Возрастает внимание СМИ республики к реализации мер социальной поддержки инвалидам, ветеранам, людям пенсионного возраста, сиротам, а также многодетным семьям. Часть публикаций связана с проявлением гражданских инициатив в области социальной защиты. Так, в январе 2013 года Грант в миллион рублей получило Мордовское республиканское отделение Общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья», став победителем открытого конкурса социально значимых проектов. Этот проект был направлен на оказание материальной и моральной поддержки малоимущих и социально незащищённых пожилых людей (пенсионеров) и инвалидов, прежде всего из числа семей участников Великой Отечественной войны, погибших защитников Отечества, ветеранов труда, одиноко проживающих людей [5].

В настоящее время городская среда становится доступна и для маломобильных групп населения (людям пожилого возраста, инвалидам по слуху и зрению, инвалидам-колясочникам, беременным женщинам и детям дошкольного возраста). «Равные

возможности для всех членов общества» – эти слова можно назвать девизом муниципальной целевой программы «Доступная среда в городском округе Саранск на 2011-2015 годы». В рамках программы «Доступная среда» для них обеспечивается удобный и комфортный доступ в общественные здания, на спортивные объекты, в магазины, поликлиники, в подъезды собственных домов [6].

На саму реализацию мер социальной поддержки жителей Мордовии, как отмечает газета «Вечерний Саранск», в 2011 году было затрачено 3 млрд. 793 млн. рублей. В 2012 на социальную политику нашего региона было направлено 4 млрд. 445 млн. рублей. Через органы социальной защиты населения предоставляются 177 видов мер социальной поддержки, установленных федеральным и региональным законодательствами.

В настоящее время Прокуратурой республики проводится постоянная работа по надзору за исполнением законов в сфере защиты социальных прав и экономики. При этом приоритетными остаются надзор за исполнением законов о своевременной оплате труда, предоставлении услуг в сфере ЖКХ, обеспечении прав каждого жителя региона, предоставлении жилья ветеранам Великой Отечественной войны, детям-сиротам [7].

Таким образом, вопрос о деятельности государства в сфере социальной политики среди региональных СМИ является сегодня актуальным. В Мордовии сфера публичного информационного обмена включает около 80 печатных изданий (из них 10 журналов), основную часть которых составляют газеты общественно-политической тематики. Особый интерес приобретают отношения между региональной властью, ее деятельностью и прессой. Региональная пресса Республики Мордовия позволяет ее жителям узнать о происходящих политических, социально-экономических и других процессах, публикуют официальные документы, принимаемые органами всех ветвей власти республики, поднимает общественно значимые проблемы.

Как показывает контент-анализ региональной прессы, главной задачей РМ было и остается повышение качества жизни, создание благоприятных условий каждому человеку для личностного роста и творческого развития. Для решения этих вопросов в последние годы Правительство РМ пытается влиять на формирование среднего класса как реальной социальной группы. Следует согласиться с М. Э. Рябовой, что «глобальные изменения, произошедшие в жизнедеятельности человека, определяют не только новое содержание и характер всей деятельности, но и новые позиции индивидов в ней» [8, с. 114].

На наш взгляд, необходимо и дальше способствовать поддержке процессов самоорганизации населения, его гражданского соучастия в политике государства на основе гармонизации социальных отношений, укрепления социального согласия и активной информационной политики. От того, как будет решаться эта задача, зависят не

только условия жизни простых людей, но и перспективы социального и экономического развития республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргулян Я. А. Социальная политика: учеб. пособие. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. – 236 с.
2. Ярская В. Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – №1. – С. 11-28.
3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.), глава 1, ст. № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/rf/chapter/1/#block_1000
4. Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 30 января 2013 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvmor.ru/news/view/14666>
5. Мазина И., Пономарева Н. Миллион рублей – на помощь ветеранам // Известия Мордовии. – 2013. – № 11.
6. Ефремов А., Крылова Н. Городская среда стала доступна для маломобильных групп населения // Известия Мордовии. – 2011. – № 192.
7. Игорь Князьков: объемы социальной поддержки растут. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vsar.ru/6224>
8. Рябова М. Э. Человек в экономике и других социальных средах. – М.: Институт философии РАН, 2008. – 200 с.